

Артур Аршакуни

ПАМЯТЬ ВОДЫ

Апокриф гибридной эпохи.
Книга первая

Артур Аршакуни
Память воды. Апокриф
гибридной эпохи. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058347

ISBN 9785448337239

Аннотация

Это правда, Мириам, что ты – хуже гиены, хуже ехидны и хуже крокодила нильского, потому что те заботятся о своих детенышах, выношенных и рожденных по тому образу и подобию, которые вложил в них Господь, а ты бросила своего сына.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	47
Глава первая	47
Глава вторая	60
Глава третья	71
Глава четвертая	84
Глава пятая	99
Глава шестая	110
Глава седьмая	124
Глава восьмая	129
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Память воды

Апокриф гибридной эпохи. Книга первая

Артур Аршакуни

Анне – за терпение.

Сыну – за нетерпение.

Дочери – за чудо.

© Артур Аршакуни, 2016

ISBN 978-5-4483-3723-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Все персонажи являются плодом авторского
вымысла.**

**Автор не несет ответственности
за иное их толкование.**

Пролог

*Я не познал, испытав,
конца не увидел, закончив, —
Сделав, не сделал, свершив,
я завершить не сумел.*

Ф е о г н и д.¹ «Элегии».

* * *

– Как ты, Мириам?

Молчание.

Всю дорогу молчала и сейчас молчит. Только вздыхает иногда, как лошадь под непосильным грузом, устало и обреченно. Ничего, здесь отдохнет. Хозяин – сын не своей матери! – мог бы дать место для ночлега и получше, чем этот овечий загон. Хотя и ему надо радоваться, вот – караван расположился прямо во дворе, люди ночуют у костра. Одно слово квируниево подняло с мест и бросило в разные стороны весь народ Израилев. Темны мысли римлян; язычникам никогда не понять народа-избранника. А народу-избраннику можно ли понять язычников? Вот только – когда же,

¹ Исторические, мифологические и библейские имена, кроме созвучных или вызывающих ассоциацию с персонажами книги, приводятся в Глоссарии.

о Господи?

– Как ты, Мириам?

Молчание.

Гордая. Только вздыхает.

Подбросить бы веток в очаг. Что за погода!

Взметнувшееся пламя выхватывает из темноты овечьи морды и контур смуглого женского лица.

Плачет?

Молчание.

Погода как погода. Что ты хочешь – зима.

Дробный перестук копыт, испуганное бляение заглушает очередной вздох. Со двора доносится истошный крик верблюдов из каравана с достойным ответом осла.

Что ж ей не плакать? Женщина.

Иошаат устраивается поудобнее и протягивает озябшие руки к огню.

Ничего...

– Как ты, Мириам?

* * *

Истошный крик верблюдов. Мычание, бляение и ржание. Шум и гомон многоликой разноязыкой толпы.

Рынок.

Иошаат медленно идет по торговым рядам, коренастый, плотно сбитый, с округлым обветренным лицом, заросшим

короткой черной бородой, сдержанный в речах и поступках, и только руки выдают его волнение, потому что он то и дело сжимает и разжимает заскорузлые ладони, привычные к дереву и камню. Ему пятьдесят лет. Много это, мало? Посторонним он кажется стариком, но если верить мудрым людям, которые говорят, что возраст мужчины определяется по его бороде, то она у него иссиня-черная. Он озабочен и серьезен, ибо привело его сюда важное дело, отец праведности, а не праздное любопытство, мать греха.

Остерегайся

Пронзительные крики

*менял с их фальшивыми монетами:
что тебе чужой талант, имея свою лепту.*

Остерегайся

торговцев. Заунывная
флейта, монотонный ритмичный шопанним
и дробный кимвал в руках

*пронырливых мальчишек, подсланных
нечестными людьми: их счастье построено на
несчастье других.*

Остерегайся

босоногих танцовщиц
на помосте. Танцуют невольницы, выставленные
на продажу: подходи, любуйся, выбирай.
Мозолистые пятки мелькают на уровне людских
голов. Провисший полотняный навес не спасает
от солнца. Терпко пахнут

*торговцев, навязывающих свой товар:
хороший товар*

разгоряченные женские
тела.

сам себя хвалит.

Иошаат подходит ближе к помосту, туда, где стоит хозяин, чужак из египтян, одного с ним возраста, смуглый, безбородый, в белом синдоне с виссоновым поясом. Взгляд его, неспешный и степенный по восточному обычаю, останавливается на Иошаате и выделяет его из остальных. Звучит гортанная команда, и музыка убыстряется, а в такт ей – и движения невольниц. Еще одна команда обнажает их тела. Зевак у помоста становится заметно больше.

*Красивые, однако... Дети уже взрослые, а все равно...
Женское тело... Грех, грех!*

– Мира и здоровья!

Иошаат оборачивается. Это – Ал Аафей, земляк и сосед его, из Назиры, ведет за собой осла за веревку.

– Мира и здоровья и тебе, сосед.

– Что вижу я? – удивляется Ал Аафей. – Пристало ли такому почтенному и уважаемому мужу, как Иошаат, из прославленного колена Давидова, лицезреть греховную эту наготу?

Иошаат раздосадован. Ал Аафей известен всем в Назире своим любопытством, более присущим суесловным женщинам, чем степенным мужчинам.

Самого-то тебя что сюда привело, сына не своей матери? Не греховная ли эта нагота?

– Преклонный возраст – возраст мудрости, – продолжает разливаться Ал Аафей, – а мудрость пьет из своих источников наслаждения!

Молчи, сосед, молчи. Говорят не слова, а поступки.

Иошаат степенно отвечает, что

Хотел бы я знать,

пришел

какие у тебя источники наслаждения. Пересчитывать

сюда по

другой причине.

своих овец, свои таланты?

Как известно уважаемому соседу, он, Иошаат, недавно овдовел и остался с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми. Детям нужна женская забота и ласка. Да и по хозяйству тяжело управляться одному. В Назире девушек на выданье не так уж много, да и кто из них пойдет за старика? А приводить в дом вдовца вдовую старуху – кто тогда за кем будет ухаживать?

– Да, ты прав, – важно кивает Ал Аафей.

Бедность! Бедность – вот главная причина того, что Иошаат не смог найти себе жену в Назире.

– Поэтому я и решил найти хозяйку дому моему и мать

детям моим здесь, на рынке Иевусовом. Мне не нужна красавица для утех, – были бы руки работающие да характер покладистый.

– Да, и тут ты прав, – снова кивает Ал Аафей.

Красивая и молодая невольница просто не по карману простому древоделу!

Иошаат, подавляя невольную обиду,
Мягко стелешь, сосед!

поворачи-

вается к рабыням и выступает вперед из толпы зевая ближе к помосту. Хозяин неспешно оглядывает его простой хитон мастерового человека и отдает новую команду. Музыка смолкает, вперед выходят рабыни поплосше: в возрасте, слишком толстые или чересчур худые.

– Товар на любой вкус! – лениво растягивая слова, говорит хозяин. – Отрада для мужчины! Все они сведущи в науке неги и наслаждения!

– Нет, нет! – кричит Ал Аафей и подбегает к Иошаату поближе. – Нам не нужна сведущая!

– Так что же нужно и главное – кому из вас? – говорит хозяин.

– Мне, – говорит Иошаат, досадуя на соседа.

Вот ведь привязался! Кому дело, а кому – потеха.

– А, тогда понятно, – хозяин кивает головой, и тонкая,

по-восточному едва уловимая ирония его вызывает смех собравшихся. – Тогда вот – совсем несведущие.

На помосте показываются новые рабыни, совсем еще девочки трех-пяти лет. Они поднимают руки вверх и заученно вращаются на месте. Смех усиливается. Иошаат гневно поворачивается, сжимая и разжимая ладони, и раздвигает толпу, чтобы уйти.

Защита бедного – гордость!

– Остановись, почтенный! – голос хозяина лишен лени и иронии; в нем звучит скорее удивление. – Прости, если мои слова обидели тебя. Знай, что обида – не помеха гордости, ибо расположены они в душе на разных уровнях. Есть у меня то, что тебя заинтересует.

– Откуда ты знаешь, что меня заинтересует? – ворчливо спрашивает Иошаат. Он доволен: ему удалось сохранить свое достоинство и не потерять уважения окружающих.

В ответ хозяин, улыбаясь, показывает рукой сначала на свой лоб, затем – на сердце и хлопает в ладони:

– Мириам!

* * *

Истошный крик верблюдов.

Иошаат вздрагивает и приходит в себя, но не от крика верблюдов, – он привык к нему и не замечает его, как и ове-

чьего бляения и перестука копыт, – а протяжного, полного сдерживаемой муки, стона женщины вслед за ним. Он торопливо подбрасывает хворост в очаг, поднимается. В сполохах пламени обычно смуглое лицо Мириам выглядит пепельно-бледным, и эта пепельная бледность пугает его еще больше.

– Мириам?

– Иди, – говорит она чуть слышно.

Иошаат понимает, что она удаляет его от себя – не дело мужчине находиться рядом с женщиной в такую минуту, – но ему необходимо оставить за собой последнее слово, и это слово должно быть словом мужчины – взвешенным и рассудительным. Поэтому он какое-то время переминается с ноги на ногу и лишь потом идет к выходу.

– Пойду, – говорит он, – позову кого-нибудь на помощь.

В ответ, уже выходя, он слышит еще один, уже не сдерживаемый, а какой-то вневещевый, стон, и этот стон подгоняет Иошаата в спину, несмотря на ночь и непогоду.

Нескладно все получается. Когда теперь домой попадем? Положим, пока перепись подойдет, устроится и с обрядом обрезания, и с именем. Когда же пройдет срок очищения жены по закону, надо идти в Иевус, в храм, устраивать жертвоприношение – опять по закону. Ни козы, ни барашка он себе позволить не может, а совсем без ничего тоже нельзя! Даже два голубя – расходы. И – тоже по закону!

На полпути он останавливается, внезапно озабоченный

новой тревогой.

Ведь если не исполнятся толкования пророчеств и Господь одарит его еще одной дочерью, им придется провести на этом постоялом дворе вдвое больше времени! Опять расходы, о Адонай!

На постоялом дворе никто спросонья не может понять его невразумительных слов, пока, наконец, хозяин не призывает какую-то Шелиму. Шелима оказывается древней старухой, вечной приживалкой, из тех, которые живут в своем углу за кусок хлеба и чашу воды, стараясь никому не попадаться на глаза, с закопченным лицом, морщинистым, как сушеная смоква. Она сразу начинает охать и жаловаться на свои больные руки. Иошаат, расстроенный донельзя, уходит, но живая мумия увязывается за ним.

Различие мужчины и женщины – не в чреслах, а в любопытстве. Ладно. Хоть поможет.

Он провожает ее до овечьего загона, а затем ходит по двору бесцельно, время от времени останавливаясь погреться у догорающего костра. Верблюды уже улеглись, как и люди; у костра остались только двое дозорных. Один из них подзывает Иошаата к ним. Они коротают время в тягучих, как вино, историях, и горчащем, как история, вине. С вечера подошли к костру какие-то люди, с виду пастухи, не видел ли их уважаемый? Сидели тут, молчали, грелись, словно ждали чего-то. Совсем недавно также молча ушли. Странно. Хотя, сейчас зима, непогода – какие могут быть пастбища? Ов-

цы все заперты по своим законам. У жены уважаемого исполнились предписанные ей сроки? Да предначертает Всевидящий явившемуся в этот мир предназначенную ему стезю и отпустит силы щедрой мерой пройти эту стезю до конца! Второй стражник – глухонемой, но тоже загадочным образом знает все; он цокает языком и невразумительным мычанием выражает Иошаату свое одобрение. Кувшин ходит по кругу, и вино больше не кажется Иошаату отвратительным. Наконец, темноту двора пререзает полоска света от двери овечьего загона, и Иошаат направляется туда. Навстречу ему семени Шелима. Куда подевался ее возраст! Она довольна своей причастностью к исконно женскому ремеслу – ремеслу продолжения рода человеческого; глаза так и сияют. Морщины сложились в счастливую паутину². Она тоже славно потрудилась:

– Первый-то без меня успел, а второго я приняла. Успела! Ох, шустрый! Уж я за свои руки так боялась, но все обошлось, слава Адонаю. Хорошо, пелен хватило. Я все сделала, и перевязала, и обтерла, и спеленала. Тогда, в суматохе, я про руки и думать забыла, а теперь гляжу – не болят! Не болят руки-то!

Иошаат глядит на нее непонимающими, полубезумными глазами.

Что она говорит?

² Паук и паутина считались приметами, приносящими счастье и удачу.

– Мальчики оба,

*«Первый», «второй»... Какая
мальчики, – черный провал*

вместо рта у Шелимы, наверное, означает
улыбку, —

все-таки гнусная

такие хорошенькие: темненький
и светленький,

кислятина в кувшине

и даже родимые пятна у них оди-
у этих

стражников, сыновей не своей матери,

наковые: у одного на правом плече,

так все вну-

три и печет.

а у другого – на левом.

Она радуется.

– Молчи, старуха.

Она радуется!

Чему радуется эта глупая старуха? «Мальчики»? «Хорошенькие»? Какие такие хорошенькие мальчики? Да хоть римский легион хорошеньких мальчиков – что они против Одного, но напророченного? Иначе рушатся устои души и тогда самые святые слова – кимвал бряцающий, а самые праведные поступки – прыжки козлиц и овнов. Вера рушится!

И тогда он смотрит вверх, в недоступное одноглазое небо,

как тысячи раз глядели до него и тысячи раз будут глядеть после него – со страхом и надеждой, с гневом и страданием: доколе, о Господи! Останется ли хоть капля веры после этого в душе? *Вразуми же!*

Он отодвигает Шелиму и входит в загон.

До чего же отвратительный запах! Или это вино так действует?

В мерцанье углей – слабый овал лица. Чуть ниже – два одинаково белеющих крохотных свертка.

*Дальше, куда ни посмотри – овечьи морды. Нет
Беззвучной дрожащей мышью
от них спасения.*

за ним появляется

Шелима.

Замерзла, старая!

Он подходит ближе и наклоняется.

– Мириам?

* * *

На помосте показывается смуглая рабыня, закутанная в белое покрывало.

– Вот, – говорит торговец, – вот, я решился ее тебе показать.

– А что такое? – любопытный Ал Аафей опять тут как тут.

Ну что тут поделаешь?

– Она дала обет сохранить свое девство до конца жизни.

Толпа зевак наконец получает необходимую ей искру развлечения и стремительно раздувает пламя:

– Ох ты!

– Вот это да!

– Да ну?

– Известное дело: у девиц оно всегда так, до первого мужчины.

– Первые – они же последние, – говорит торговец.

Он поворачивает рабыню спиной к зрителям и сдергивает с нее покрывало. Гул изумления: спина ее исполосована следами бича.

– Видели такое? – спрашивает торговец и снова укрывает рабыню покрывалом. – Так что не советую пробовать ни первым, ни последним. Будет царапаться и кусаться; может и за нож схватиться. Она не боится, понимаете? Она просто готова к этому.

– Негодный товар у тебя! – раздается в толпе.

– Верно! Отдай в полцены!

– Почему негодный?

– А кому нужна ветвь неплодоносящая?

– Это еще не все, – говорит торговец и снова тонкая, едва уловимая ирония слышна в его словах.

– Да? Что же может быть еще? – откровенно развлекается толпа.

– Она считает, что через нее спасется народ Израиля.

– Саваянка³?!

– Э?

– Вашей веры, вашей, – говорит торговец, размеренно кивая для убедительности головой, – из самого что ни на есть Хамова племени и Хушева колена.

Иошаат подходит еще ближе к помосту и внимательно смотрит на смуглую рабыню, смотрящую поверх толпы.

Какие глаза!

Он взволнован услышанным.

– Правда ли это, о дочь Евы?

– Правда, – тихим эхом откликается рабыня, и голос ее внезапно крепнет, словно пламя над сухими ветками: – Я верую в Пасху и опресноки, в субботу и пост, Писание и миропомазание. И еще я верую в Господа нашего, неназываемого, и Слово Его спасительное, которое...

Она закрывает лицо руками и еле слышно заканчивает:

– ...уже близко.

Иошаат, помедлив, поворачивается к торговцу и встречает его внимательный и строгий взгляд.

– Я... – начинает он и останавливается в смущении. – Я не трону ее!

Торговец склоняет голову, снова указав на свой лоб и сердце.

– Скажи, сколько ты просишь за нее?

³ Сава – древнее название Абиссинии (теперь – Эфиопия).

Торговец вместо ответа отзывает Иошаата в сторону, за помост.

– Меня зовут Анх-Каати.

Он делает знак, но Иошаат не понимает его.

Уйти? Не уйти? Какие знаки? Назначай цену, торгуйся...

Дело есть дело!

Торговец медлит и с видимым усилием продолжает:

– Дочь она мне.

Иошаат изумлен. Он с трудом подбирает слова:

– Как?! И ты... Ты выставил на продажу среди рабынь собственную дочь?

– Она хочет этого сама. Она хочет пройти через страдания, чтобы обрести спасение для своей души..

– И ты ей это позволил?!

– Я благословил ее.

– Как же ты можешь называться отцом после такого?

– Так же, как мог называться отцом Авраам, приносящий в жертву сына своего, Исаака, движимый одной только верой.

– Верой?

– Так называют высшее знание, – улыбается смуглый Анх-Каати

Иошаат разгневан:

– Что тебе Авраам? Что тебе наши святыни?

– Многое я знаю, – просто отвечает Анх-Каати.

– Какой же ты веры?

– Надо ли тебе знать это, о простой человек? – Анх-Каати снова делает знак, но Йошаат снова не понимает.

Уйти? Странно все это. Знаки непонятные, загадки. Какие, однако, глаза у нее! Нет, он не уйдет. Дело есть дело.

От помоста несутся недовольные крики:

– Что за секреты?

– Мы ждем!

– Объяви нам цену, торговец!

Анх-Каати устало улыбается:

– ...И зрелищ. Зрелищ! Зрелищ!

Потом он снова становится серьезным и строгим:

– Иди, и пусть все идет своим чередом превращений!

Он возвращается к толпе, улыбаясь; в нем снова просыпается торговец:

– Красавицы, что у меня здесь, идут не меньше чем за полталанта...

Йошаат молчит, пытаясь осмыслить услышанное.

– Послушайте, что он говорит! – это снова вездесущий Ал Аафей решает помочь безмолвному Йошаату. – Что он говорит? Полталанта! Слыханное ли это дело? Царские наложницы меньше стоят!

– Да, – важно кивает толстяк с масляными губами и заплывшими в щелочки глазами сластолюбца, – красная цена хорошей рабыне – четверть таланта, а то и полмины.

– Так сколько ты просишь за нее? – горячится Ал Аафей, отбросив в сторону мешающую веревку, к которой привязан

его осел.

Э, сосед, да ты торговаться не умеешь. Это тебе не с деревяшками возиться. Будет что моей Фамари рассказать.

– Совсем немного за такую спокойную да работающую – пятнадцать сиклей, – уступает торговец.

– Полцены от половины мины – это двенадцать сиклей да одна дидрахма, – быстро считает практичный Ал Аафей.

– А мне – одни убытки, – подхватывает торговец. – Разорит она меня! Ладно. Шестьдесят драхм.

Июшаат задумывается.

Шестьдесят драхм – деньги немалые. Он год откладывал по драхме в неделю, чтобы накопить денег на невольницу.

– Нет, – говорит он и качает головой.

Надо уйти. Шестьдесят драхм! И зачем он притащился на этот рынок? Только людей смешить.

– Постой, постой, – голос торговца снова звучит с почтительным уважением. – Все равно я разорен и пущен по миру с протянутой рукой... Так и быть. Пятьдесят драхм – и она твоя.

Он незаметно подмигивает Июшаату.

Июшаат снова задумывается.

Пятьдесят драхм... А подмигивать зачем?

Нет, все-таки торговец, сын не своей матери!

Толпа терпеливо ждет развязки: торг – священное правило рынка. Без него невозможна никакая купля, никакая продажа. Торгуясь, продавец и покупатель выражают друг другу

взаимное уважение.

Иошаат снова поворачивается к рабыне, долго глядит на нее.

Глаза. Глаза!

– Так как тебя зовут?

– Мириам.

– Мириам?

* * *

– Два младенца, Мириам, – это не один младенец, – говорит Иошаат в сумрачную прель овечьего загона. – Что тебе было дано свыше? Что ты говорила мне? Что мы говорили людям? Что люди находили в Писании? Какие такие два младенца, Мириам?

Молчание.

– Два младенца, Мириам, – это только два младенца, какие бы они хорошенькие ни были. А один младенец, Мириам, – это не один младенец, Мириам, это – Он, обещанный! Ты согласна со мной?

Опять – молчание. Только на этот раз молчание не пугает Иошаата, а воодушевляет.

– Мы оставим одного младенца, Мириам, – говорит Иошаат, – одного, но того, который – Он. Мы будем выбирать и выберем правильно.

– А второго? – спрашивает она еле слышно.

– Второго? – Иошаат

Какая разница? Надо ли

пожимает плечами.

об этом думать?

– Ну... Пристроим куда-нибудь.

Старушечья мумия оживает в углу и подходит поближе.

– Если позволите, – Шелима и тут рада помочь. – Я знаю, да! У одной светловолосой рабыни из каравана, что ночует здесь же, во дворе, недавно родился мертвый младенец. Уж как горюет бедняжка!

– Нет! – неожиданно кричит Мириам.

– Мириам! – строго и внушительно говорит Иошаат и замолкает.

Да и что тут сказать? Что Мириам сама в недавнем прошлом – рабыня, отпущенная Иошаатом при свидетелях на свободу? О таких вещах не говорят вслух. Тем более при посторонних.

– Нет! – еще громче кричит Мириам. – Рабыня? О Адонай, – нет!

Иошаат с досадой смотрит на Шелиму.

Наверное, о некоторых вещах все-таки надо сказать. Тем более при посторонних.

Дверь загона неожиданно скрипит, впуская хозяина постоялого двора вместе с ночным холодом и одним из стражников каравана. Тот ухмыляется и яростно подмигивает

Иошаату.

– Что подняло среди ночи почтеннейшего Забтеха? – с легким раздражением в голосе спрашивает Иошаат хозяина постоялого двора.

Порядочные хозяева ночью спят, а не беспокоят постояльцев.

Встревоженный Забтех сообщает, что по постоялому двору его, мирного и законопослушного обывателя, ходят какие-то чужеземцы, странные видом и речами. Они требуют показать им младенца, родившегося именно в эту ночь именно здесь, на именно этом дворе.

– О уважаемый и светлейший в своем роду Забтех! – Иошаат не может сдержать ликования. – Почему же ты не зовешь их сюда? Веди! Веди!

Он царственным жестом обводит овечий загон, очаг и ложе с Мириам.

Как, однако, кровь побежала по жилам от одного сообщения Забтеха! Не одни только неприятности от него, сына не своей матери. Вино стражников, однако, было очень кстати!

Забтех уходит. В Иошаате просыпается кипучая энергия. Он отсылает оставшегося стражника за дополнительным хворостом, старуху Шелиму – за водой для омовения рук и ужином и, наконец, остается наедине с Мириам и младенцами.

– Ну что? – он энергично сжимает и разжимает ладони. –

Чужеземцы – чужеземцы! – пришли неизвестно откуда посмотреть на одного, Мириам, – одного! – младенца. Все сбывается, Мириам, все сбывается! Тебе все непонятно? Вот, смотри, два пальца: один, два. Все очень просто: один младенец – и ликуй, Израиль, мы помазаны на царство! Два младенца – и овечий загон на всю жизнь. Ну, давай, Мириам, давай! Выбирай!

Она плачет. Когда нужно просто четко и быстро действовать, она плачет. Когда на одной чаше весов – благополучие и счастье Израиля, а на другой – мокрый, уродливый младенец, что тут думать? А она плачет.

Иошаат подходит ближе и властно берет из-под ее рук оба свертка.

– Ну, кого? – ноздри его раздуваются от сдерживаемого нетерпения и даже гнева.

Времени нет! Времени совсем нет, а она плачет.

– Как знаешь, – отвечает она хрипло, одышливо, как если бы два сухих камня потерли друг о друга.

Иошаат нетерпеливо всматривается в свертки.

Все младенцы – на одно лицо, что бы он в них умел разбираться! Надо спешить, вот-вот придут чужеземцы.

Он подносит свертки к очагу.

Один – точно темненький, в Мириам. А второй – странно светлый, непонятно в кого. Чужаком будет, заключают. Какой из него Спаситель! Темный удивления не вызовет, сразу видно – наш. Свой! За таким и пойдут. Решено!

Он отдает смуглого младенца Мириам. В это время слышны приближающиеся шаги. Иошаат поспешно прячет светлого младенца в дальнем углу, среди овец и новорожденных ягнят.

Успел, о Адонай!

Снова скрипит дверь загона, и входят один за другим чужеземцы. Их трое, они действительно одеты странно для этих мест, и где-нибудь на рынке их приняли бы за бродячих канатоходцев и глотателей огня, но держатся просто и с достоинством. Они встают полукругом, лицами к Мириам с младенцем, и нараспев произносят:

– О-э-а! И-хоу-у⁴!

Потом садятся прямо на землю.

– Сложились и умножились расположения светил небесных... – начинает размеренно старейший из пришельцев и смолкает.

Скрипит дверь загона. Появляется любопытный Забтех под благовидным предлогом, не нужно ли чужеземцам чего. Те, прикладывая руки к головам и сердцам, трясут бородами. Забтех уходит. Наступает молчание. Иошаат устраивается поудобнее.

Теперь он готов слушать и говорить что и сколько угодно – после пережитого во всем теле у него благодатная лег-

⁴ Oeaihu (Oeaihwu) – оккультная формула «Шести (гласных) – в одном (слове)», образующих вместе магическое число 7, символ вечного проявления основополагающего принципа Вселенной.

кость и истома.

– И явили нам знак, сокрытый от посторонних... – продолжает старейший и вновь смолкает.

Скрипит дверь загона. Появляется стражник с вязанкой хвороста, кувшином, несвязным мычанием и яростным подмигиванием. Хворост складывается в углу, загораживая странных пришельцев от Иошаата. Он выступает из-за хвороста, принимает кувшин из рук стражника и садится в круг среди чужеземцев. Стражник уходит. Иошаат предлагает кувшин почтенным гостям. Они снова трясут бородами. Иошаат пьет.

О Адонай, он заслужил глоток вина после этих безумств!

– Явились мы, чтобы засвидетельствовать свершившееся чудо... – старейшина косится на дверь.

Скрипит дверь загона. Появляется мумия Шелима с лепешками и овечьим сыром. Иошаат принимает у нее еду, ломает лепешки, предлагает чужеземцам. Те опять трясут бородами. Иошаат заедает холодное вино острым сыром и черствыми лепешками.

Ему наконец положительно хорошо.

– И вот – мы здесь, – старейшина теперь краток. – Мы видели. Он пришел!

Скрипит дверь загона. Чужеземцы поднимают вверх руки, но это просто поднявшийся некстати ветер. Становится холодно. Иошаат подбрасывает хворосту в очаг. Чужеземцы, переговорив друг с другом, достают из котомок дары и скла-

дывают их на свободном от хвороста, еды, питья и людей месте, в дальнем углу. Первый чужеземец демонстрирует старую, гнутую, ржавую чашу для жертвоприношений.

– Из рук, – говорит он и, повторив несколько раз: – Ракша! – с поклоном кладет ее на солому.

– Из земли, – говорит второй так же с поклонами и кладет ветку омелы, сильно помятую и засохшую за время пути.

– Из сердца, – говорит третий и достает странный, с ладонь, крест с кольцом над перекладной, наверное, чтобы удобно было носить.

Он показывает крест Иошаату.

– Тат! – строго говорит он.

У Иошаата от непонятных действий, непонятных слов, непонятных чужаков все сильнее начинает болеть голова. А может, от усталости. Или от вина, которое действительно оказалось прегадким. Или от всего вместе.

Показавший крест Иошаату чужеземец тем временем присоединяет его к остальным подношениям на охапку соломы и оглядывает своих братьев. Те склоняют головы, и он нараспев произносит:

Чтим —

Самое славное, превосходящее, наилюбезное,
наиразящее,

Наилочайшее, неуловимое, высшее среди созданий,

Которое пристало Спасителю благому и тем, кто с ним
идет,

В жизнь превращая создания без умирания, без увядания
и без истления,
Вечноживущую, вечнорастущую и самовластную,
Из мертвых восстанет и явится вживе бессмертный
Спаситель
И мир претворит⁵.

Чужеземцы поднимаются и начинают собираться. Рас-
троганный непонятными стихами Иошаат уговаривает их
остаться. Они снова трясут бородами.

– Не смеем тебя задерживать, о великий муж. У тебя мно-
гие заботы, так что не приумножай их заботой о нас. Руа Эло-
хим⁶ над тобою! – говорит самый многословный.

– Что же говорить мне, когда меня будут спрашивать
о вас? – Иошаат смиренно прижимает руки к груди.

– Отвечай: пастухи мы, – говорит один.

– Или отвечай: цари, – говорит другой.

– Отвечай: учителя, – говорит третий.

– Так не бывает, – недоверчиво качает головой Иошаат.

Дурака из меня делают.

Он досадует.

Первый смеется:

– Скажешь – гиксосы⁷. Если и не поймут, то запомнят!

⁵ Авеста. Яшт 19, 9, 89.

⁶ Rouah Aelohim (евр.) – букв. «дыхание Бога», «Божий дух».

⁷ Гиксосы – легендарные кочевники, покорители Египта в доисторическую эпо-
ху; обладатели утерянных ныне знаний.

Иошаат продолжает качать головой.

Мудреное слово. Я не запомню, а не то что люди. Да и надо ли?

– Мы убедились в существовании младенца, который продолжит Великий Круг Превращений, и покидаем вас, – говорит самый многословный, и все трое, обратившись к Мириам с младенцем, снова кланяются и нараспев произносят:

– О-э-а! И-хоу-у!

Скрипит дверь загона. Один за другим чужеземцы скрываются в ночи.

Иошаат переводит дух, но тут же спохватывается.

Второй младенец!

– Шелима! – после общения со странными пришельцами в голосе Иошаата чувствуется некоторая начальственная важность.

Вечная старуха споро показывается из своего угла. Она уже не жалуется на свои болячки, а молча ждет приказаний.

– Эта твоя невольница – ты говорила с ней?

– И-и-и, – смеется Шелима, – с ней не поговоришь, она по-нашему не понимает.

– Не понимает! Что же нам делать?

– Я все сделала, как надо, когда еще за лепешками и сыром ходила, – Шелима довольна, что и тут пригодилась. – Я ей показала, – она трясет на руках воображаемого младенца, – а она как вцепится в меня! Насилу вырвалась.

– Ну, так давай же, давай! Уноси! Там он, среди овец.

Шелима находит среди новорожденных ягнят маленький молчаливый белый сверток, настороженно прислушивается к нему, потом не воображаемо, а на самом деле принимается его укачивать, несет к выходу, и снова возвращается туда, где разложены чужеземные дары. Отрывает от ветки омелы крохотный трилистник и суетливо запихивает под складки маленького молчаливого свертка.

– Если все – тому, то этому – хоть листик, – виновато поясняет она и быстро выносит младенца из загона.

Иошаат садится поближе к очагу. Наконец-то все позади, и он может вздохнуть спокойно. Он прикладывается к кувшину, затем долго разжевывает стертymi старческими зубами черствую лепешку.

Все хорошо, все спокойно.

Однако как-то чересчур спокойно!

Он снова прикладывается к кувшину и понимает, что это связано с молчанием женщины, лежащей в углу на охапках соломы. Он уже успел изучить ее молчание и хорошо знает ему цену.

Иошаат поднимается и подходит ближе.

– Мириам?

* * *

Он снова думает, вздыхает, прикидывает и так, и этак, потом решается:

– Согласен.

Иошаат долго отсчитывает деньги, все больше драхмы, ассарии и даже лепты. Потом он их пересчитывает еще раз. Еще дольше они пересчитываются торговцем. Затем они ударяют по рукам, и Иошаат всходит на помост, чтобы увести Мириам.

В это время к помосту с рабынями приближаются трое римских солдат, поблескивая шлемами, с прямоугольными щитами в походном положении за спинами и короткими страшными копьями в руках. Они явно навеселе; идут напролом, и все покорно и даже заученно уступают им дорогу. Толпа зевак редет на глазах.

Наконец, они натываются на помост и с хмельным удивлением обнаруживают на нем обнаженных невольниц. Короткий взрыв солдатского восторга и долгое сосредоточенное созерцание женской наготы.

– Гляди, Виталис!

– Что ему смотреть. Это же не окорок!

Довольное ржанье. Толстяк Виталис с короткой бычьей шеей багровеет. Веселье продолжается.

– Это скорее зрелище для Авла, – важно изрекает Виталис.

– Для Авла? Да он сейчас вспыхнет, как факел, от смущения!

Тот, кого называли Авлом, смеется, хотя видно, что он действительно покраснел.

Третий солдат, рыжеволосый, заводила компании, заметив Йошаата, лениво изрекает:

– Старик козел облизывает козочек!

Раздается пьяный хохот остальных. Анх-Каати поднимает руки, потом прикрывает рот ладонью.

Помни: Рим вскормлен волчицей!

Он смотрит на римлянина без гнева и досады, как смотрят на явление природы, вроде града или сильного ветра.

– Ты один понял меня, не будь я Вепрь⁸! – так же лениво цедит рыжий солдат.

– Одни любят жизнь в театре, другие – театр в жизни, а третьим не нравится ни то, ни другое, – уклончиво отвечает Анх-Каати.

Солдат с внезапно проснувшимся интересом приглядывается к нему:

– А ты умнее, чем пытаешься показаться.

Потом он замечает смуглую Мириам, уже закутанную в белое покрывало.

– А эта почему в одежде? Эй, умник, открой-ка нам ее!

– Она уже продана, – торопливо произносит Анх-Каати, – по праву...

– О Юпитер Громовержец! – рыжеволосый цедит слова и так же лениво заученным бесконечной муштрой движением руки за голову вытаскивает из ножен хищно блеснувший на солнце короткий меч. – Сколько же можно вдалбливать

⁸ Имеется в виду вепрь – символ Десятого легиона.

в башку обрезанной черни, что существует только одно право – право римского солдата!

– Ave⁹! – кричат хором его приятели.

Он медленно, поигрывая гладием в полусогнутой голый мускулистой руке, поросшей рыжеватыми волосами, нетвердой походкой поднимается на помост, ухмыляется своим приятелям, потом подходит к Иошаату, долго смотрит на него с пьяной сосредоточенностью, затем хрипло кричит:

– Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника!

Парочка солдат внизу продолжает покатываться от хохота.

Солдат на помосте небрежно, второй рукой, с зажатым в ней пилумом, отталкивает Иошаата. Тот падает, хватаясь за ушибленный бок:

– О Адонай!

– Эти глаза, – говорит солдат, медленно, хищно, как гепард, скрадывающий дичь, обходя Мириам, – эти глаза – словно угли среди черных головешек в костре... Однако головешки должны гореть, давая нам свет и тепло... А не обжигать. Верно

Он, подкравшись,

говорю, мой Авл?
внезапно резко рвет покры-
Dixi!

⁹ Ave! (лат.) – Да здравствует!

вало с Мириам, обнажая ей грудь, но та отшатывается, и в руке у нее остро посверкивает лезвие неизвестно откуда взявшегося кинжала.

Гул изумления снизу. Солдат останавливается в растерянности, забыв про меч в своей руке. Потом растерянно оглядывается на приятелей.

Вдали раздается рев горна и бой барабана. Солдаты, как по команде, – сказывается дисциплина – поворачивают головы.

– Нам пора! – кричат приятели снизу солдату на помосте.
– Заканчивай, Пантера, пойдём!

Солдат по имени Пантера долго смотрит на Мириам желтыми, как у рыси, немигающими глазами, потом резко поворачивается и уходит с помоста. По пути он бешено рубит подвернувшийся под руку кувшин среди выставленных на соседних столах гончарных изделий. Солдаты уходят.

Облегченный гул в поредевшей толпе.

Мириам подходит к Йошаату и помогает ему подняться на ноги. По его лицу видно, что он принял решение. Он берет ее за руку и подводит ее к краю помоста:

– Я, древодел из Назиры Йошаат, из рода Давидова, перед Господом нашим и свидетелями объявляю купленную мною здесь невольницу Мириам вольноотпущенной, а также женой мне, хозяйкой – дому моему и матерью – детям моим.

Толпа расходится, вкусив сполна от пирога сегодняшних

событий.

Мириам подходит к отцу. Анх-Каати грустно смотрит на нее:

– Тебе не испытать страдания в рабстве, дочь моя, но полны другие чаши его!

Иошаат уже стоит внизу. Ал Аафей, взволнованный и удовлетворенный сегодняшним днем, суетится рядом.

Фамарь моя будет довольна.

– Тебе надо будет засвидетельствовать у равви свои слова, о Иошаат.

– Да, и сделает это равви Саб-Бария, которого знаю я, – отвечает Иошаат, оглядываясь в поисках Мириам...

Устал я.

– Я могу дать своего осла, чтобы увезти твою новую жену.

– Благодарю, добрый сосед, равви Саб-Бария живет недалеко отсюда, у Акры.

Я сам решу, что мне делать со своей женой.

Анх-Каати все еще что-то говорит дочери, и та его внимательно слушает.

О чем можно столько говорить?

Иошаата приятно колет в грудь сладкое, не сравнимое ни с чем чувство собственника – не то чтобы сильно, чтобы дать волю гневу, но достаточно ощутимо, чтобы, отодвинув в сторону Ал Аафея, шагнуть вперед к помосту и спокойным, властным голосом позвать ее:

– Мириам!

* * *

Молчание.

Опять и снова – отвратительное ее молчание.

Она даже не плачет, вот что худо. Она просто лежит, лежит и смотрит в темноту, лежит и смотрит в темноту сухими немигающими глазами.

– Успокойся.

Говори, все время что-то говори, говори, что

У нас есть сын, посланный нам одной только

угодно, только бы не повисало

волей Его. Сын. Сын!

это молчание,

выматывающее душу. И овцы, как назло, замол-

чали. Все время топтали, как римские бара-

Единственный такой, ты

слышишь?

бань, а тут что-то притихли. Спят, должно быть.

Да и то: полночи пролетело в этой свистопляске.

Не мешало бы и самому вздремнуть... Говори!

– Ничего, Мириам! Выкормим мы его, воспитаем. Вырастет наш сын, и содрогнутся враги его. Вырастет он, и возрадуются народ Израиля. Вырастет он, и воздастся нам за него сторицей. Ты слышишь?

Молчание.

Иошаат чувствует легкий укол обиды – не то чтобы сильной, чтобы дать волю гневу, но ощутимой, чтобы высказаться без посторонних:

– Я выкупил тебя из рабынь и сделал вольноотпущенной. Я объявил тебя женой своей перед Господом нашим, и свидетелями, и раввином Саб-Бариею. Я привел тебя в свой дом и объявил тебя перед своими детьми матерью им и хозяйкой дому. Я уверовал в исполнение в тебе всех пророчеств Писания и убедился в этом еще раз сегодня, встретив этих гис... дис... – как их? – волшебных пастухов. Вот – дары их в подтверждение. И сейчас я, муж твой, говорю тебе: успокойся, все хорошо. Ты слышишь меня, Мириам?

– Да, – тихо отвечает Мириам.

Иошаат доволен.

Он добился-таки своего.

Он возвращается на свое место у очага, к почти догоревшему огню, снова, на этот раз поосновательней, прикладывается к кувшину. Последние блики угасающего огня выхватывают из темноты его крупную голову, бороду, узловатые руки мастерового на коленях. Он сидит, слегка покачиваясь, с тяжелой отрешенностью напевая вполголоса:

Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество
на раменах Его,
и нарекут имя Ему: Шевет-ханогес, Эл-гибор, Аби-ад,
Сар-шалом.

Умножению владычества Его нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века¹⁰.

* * *

– Радуйтесь, ибо младенец родился у нас! Сын нам дан! – на весь дом кричит старый равви Саб-Бария.

В доме равви – радостный переполох. Бедные старики не могут опомниться от постигшего их счастья. И сейчас, принимая Иошаата с Мириам и усаживая их за стол, они с трогательной забывчивостью в третий, пятый и седьмой раз пересказывают им свою историю.

Как-то, давно, Саб-Бария проснулся от ужасного видения во сне, до того напугавшего его, что у бедняги после этого отнялся язык. Человек без языка – это беда. Равви без языка – это беда вдвойне, это горе, ибо язык дает ему кров и хлеб насущный и место среди соплеменников. Бедные супруги не знали, горевать по этому поводу или радоваться тому, что старая Элишева почувствовала себя в тягости!

– Наконец, родился он, долгожданный Иоханнан, – и что

¹⁰ / Ис. 9, 6 – 7. Шевет – Ханогес – Чудо-Советник, Эл-Гибор – Бог Крепок, Аби-Ад – Отец Вечности, Сар-Шалом – Властитель Покоя, букв. – Князь Мира Сего (евр.).

ты думаешь, почтенный Иошаат? Речь вернулась ко мне снова!

Верую, о Господи!

– Сын! – гремит Саб-Бария, словно проверяя крепость своего голоса. – Иоханнан!

Иошаат просит хозяина дома узаконить словом равви их брак с Мириам. Саб-Бария благословляет их, Элишева обнимает на радостях Мириам.

– Бедная, ты вся дрожишь! Уж не заболела ли ты? – она заботливо склоняется к Мириам. – О, Адонай, твоя шерстяная накидка промокла насквозь!

– Как она могла промокнуть, если на дворе сухо и нет дождя? – удивляется равви Саб-Бария.

– Ночь холодная. Может быть, роса? – рассуждает задумчиво старая Элишева.

– Ничего, все в порядке, – с досадой говорит Иошаат. – Завтра – домой, в Назиру.

А Саб-Бария начинает в девятый раз рассказывать о своем чуде. Выпитое вино добавляет новые детали. Язык ему отнял не страшный сон, а Ангел Господень, за малодушие и неверие в зачатие собственного сына! Конечно, Ангел – кому же еще быть? Это ли не чудо? А в чуде этом – не Господня ли рука, милующая и карающая всех нас? А рождение Иоханнана – самое большое чудо.

– Чудо! – возглашает Саб-Бария.

Воистину верую!

За столом Мириам вдруг становится дурно. Она бледнеет и зажимает рот рукой. Все взволнованы. Иошаат извиняется перед хозяевами за Мириам, пытаясь сказать о каких-нибудь известных ему женских хворях. Элишева уводит Мириам из-за стола на женскую половину дома. Уводит надолго.

О чем, о Адонай, можно столько говорить?

Наконец, женщины возвращаются. Элишева сияет, как всякая женщина, утолившая свое любопытство сполна. Она садится за стол, но, как истинный ценитель настоящей, неподдельной новости, не спешит.

– Где мой Иоханнан?

Иошаат передает ей сына.

У этой ровесницы Евы появились нотки лукавства и даже какой-то игривости! Говори же, не тяни.

Вдоволь наигравшись с Иоханнаном, Элишева, наконец, с улыбкой встречает встревоженный взгляд Иошаата.

– Ну, если хворь твоей Мириам такая же, что была у меня последние десять месяцев¹¹, тогда благословен будешь ты, Иошаат, еще одним сыном!

Иошаат потрясен.

Дева?

Он растерянно поворачивается к Мириам:

– Как же так! Мириам, ведь ты... Ведь твой отец сказал мне, что ты...

¹¹ / Имеются в виду лунные месяцы, принятые для времяисчисления в то время.

Равви Саб-Бария прерывает очередной свой рассказ о чуде. Любопытные взгляды ощупывают Мириам с разных сторон.

Мириам встает. Лицо ее – каменной бледности, бледности базальта, но Иошаат не знает, что у смуглокожих племен бледность лица соответствует гневу или необычайному волнению.

– Перед Господом нашим Истинносущим, и равви, толкующим нам, простым смертным, премудрости Его, и перед всем Израилем, от Дана до Вирсавии¹², клянусь, что сохранила девство свое в целостности, и не порушила его ни впуская к себе мужчины возлежанием под ним, ни прикосновением мужским к чреву моему, ни взглядом мужским на наготу чрева моего, ни впуская к себе мужчины возлежанием на нем, ни прикосновением своим к чреслам мужским, ни взглядом своим на нагие чресла мужские. Если же я хоть в чем-то нарушила эту свою клятву, пусть Господь вырвет из народа Израиля двенадцать колен рода отца моего и двенадцать колен рода матери моей и развеет по пескам сорняками злостными.

Мириам садится. Глаза ее закрыты, она дрожит.

Иошаат изумлен и напуган этой вспышкой Мириам.

Надо быть очень... Да нет, – надо быть воистину праведницей, чтобы иметь смелость произнести такую страш-

^{12 2} Т. е. «весь Израиль»; Дан – крайний северный город Палестины, в Галилее, Вирсавия – крайний южный, в Иудее.

ную клятву!

– Верю тебе, дочь Израилева! – воодушевленно восклицает Саб-Бария.

– Верю тебе, Мириам! – Иошаат взволнованно оглаживает бороду.

– Никогда мы не слышали о таком, – лукаво улыбается Элишева, – и никогда мы не слышали такой страшной клятвы. Надо верить. Такой клятве надо верить. Но если это так, тогда Господь воистину всемогущ, а милость Его воистину велика, если Он являет нам такое чудо.

– Чудо! Чудо! – подхватывает Саб-Бария.

Снова Ты явил мне Себя!

– И если это правда, – продолжает улыбаться Элишева, – то благословенна будешь ты, оставшись девой, во всех женах Израильских во веки веков!

– Чудо! – трубит захмелевший Саб-Бария.

– Два чуда, – успокоенный Иошаат великодушно оглядывает Мириам и младенца Иоханнана на руках Элишевы.

Словно спохватившись, равви Саб-Бария встает и, указывая на своего сына, объявляет:

– Младенец сей явился нам всем первым чудом, чтобы возвестить о грядущем втором чуде. Осанна тебе, дева!

– Осанна тебе, Мириам, – шепчет растроганный до слез умиления Иошаат.

– Если это правда, – улыбается старая Элишева.

*Мириам, это правда
Мириам, это правда.
Это правда, Мириам.
Это правда, Мириам, что срок твой
и муки родин твоих —
явление Господа в мир
людской, мир плоти, крови и пота*

Это правда, Мириам, что у тебя
нет сердца,
а вместо сердца —
камень из пустыни Синайской.

*Это правда, Мириам, что сын твой
обнажит мышцу против врагов и поведет
народ Израиля к спасению и славе*

Это правда, Мириам, что ты —
хуже гиены, хуже ехидны
и хуже крокодила нильского,
потому что те заботятся о своих
детенышах, выношенных и рожденных
по тому образу и подобию,
которые вложил в них Господь,
а ты бросила своего сына.

Это правда, Мириам, что троны

*царские предназначены для одного. И слава
человеческая не делится на двоих. И Господь,
который над нами, истинен лишь потому,
что единносущ*

*Это правда, Мириам, все страдания,
о которых
ты знаешь,
покажутся тебе забавой по сравнению
с мукой
расставания навсегда, навсегда,
на веки вечные,
с только что рожденным тобою сыном.*

Это – правда?!

Мириам вдруг вскакивает, как от удара бичом.

Тьма истончается, наполняя пространство загона контурами, прозрачными, словно напоминание о тяжести, твердости и протяженности там, во внешнем мире.

У погасшего холодного очага спит Иошаат. Хворост. Кувшин. Остатки ночной трапезы. Дары. Колыхание овец в дальнем углу и там же – звуки, которые издают все новорожденные детеныши, требующие материнских сосцов. И какая страшная, мертвящая тишина снаружи!

Мириам каким-то судорожным рывком бросается вон из загона, останавливается, снова бежит, снова останавливается, слепо озираясь вокруг и ничего не видя в помрачении сердца. Потом выбегает на середину двора и падает обречен-

но на колени.

Во дворе – следы ног, копыт и остатки кострища, еще теплого.

Поздно.

Это правда.

Караван ушел.

Часть первая

Один ли я съедал кусок мой, и не ел ли от него сирота?

Ио в, 31, 17.

Глава первая

Дажд¹³

День сменит ночь, а ночь сменит день, и будут сменять они друг друга, пока это будет угодно Неназываемому и пока сохранится на земле живая душа, чтобы отличать одно от другого. Воистину так, ибо нет среди сотворенных Им ни того, кто бы мог сказать: вот, есть день, а ночи нет, ни другого, кто скажет: вот, есть ночь, а дня нет. Воистину так, ибо и день, и ночь повинуются установленному Им для этого мира высшему закону, который гласит: все имеет свое начало и свой конец.

Поэтому самая ничтожная песчинка, попираемая ногами верблюда, возносит хвалу Ему, устроившему этот мир именно так, ибо, порожденная рассыпавшейся когда-то в прах горой, минуя бесконечную цепь иных рождений и смертей,

¹³ Д а ж (д), Д а ж (д ь) – бог солнца у восточных славян.

она, ничтожная, когда-нибудь, через бесконечную цепь новых рождений и смертей, даст начало другой горе. Поэтому на весах Вечности равны величественная гора, подпирающая небо, и ничтожная песчинка, попираемая ногами верблюда; верблюд и погонщик верблюда, погоняющий его палкой; погонщик верблюда и его хозяин, наказывающий палкой и милующий горстью фиников.

И так же, повинувшись этому всеобщему закону, дороги будут брать начало у одних городов, чтобы закончиться у других, дав начало следующим дорогам. И один караван будет сменять другой, имея своим началом и концом торговлю. Торговля же будет начинаться и заканчиваться алчностью. И алчность будет начинаться в человеке и заканчиваться в человеке же. А начало и конец человека – промысел Его, неторопливо, из вечности в вечность, пересыпающего, словно песок с ладони на ладонь, горы и земли, царства и веков.

И этот маленький караван, принадлежащий обыкновенному сирийскому купцу Бахиру, будет идти мерным шагом по благословенной земле в неблагословенное зимнее время, когда верблюдам приходится тяжело от порывистого ветра, а люди с тревогой вглядываются в небо, не зная, чего ждать в пути: дождя, внезапного града, а то и снега. Правда, снег может выпасть разве что высоко в горах, а до них еще далеко. И будет на пути каравана рынок в Иевусе, где Бахир продаст своих невольников и приобретет шелка и шерсть, что-

бы доставить их в Александрию; и будет Эль Халиль с отрадными глазами теревинфовыми рощами и славным постоянным двором, и будет Иутта, после которой Бахир прикажет сделать привал на перекрестках торговых путей, чтобы решить, какой дорогой двигаться дальше.

Крохотный лагерь вырастет среди камней и песка: палатка самого Бахира, еще одна палатка с единственной оставшейся светловолосой невольницей, которую ему так и не удалось продать, и дальше – поставленные кругом пять верблюдов, конь и осел, а в круге – помощник Бахира, из вольноотпущенных, в меру честный, в меру преданный, по имени Юнус, и погонщик Али, из рабов, к тому же глухой, как песок в надтреснутом кувшине, и цена ему – этот надтреснутый кувшин. Их задача – охранять стоянку и стеречь добро, поэтому спать Юнус и Али будут по очереди. А пока до темноты еще далеко, Али будет разводить костер, а Юнус – призван к хозяину на совет.

Решить предстоит несколько вопросов, но главный из них – каким путем двигаться дальше. Юнус водил уже караваны в Египет, но все время одним маршрутом – через Газу по побережью и дальше, мимо озера Сирбонис и небольшую, но коварную пустыню Эль-Ариш, в Александрию Египетскую. И сейчас он будет отстаивать именно этот маршрут, уговаривая Бахира повернуть караван на запад, чтобы выйти на дорогу от Газы. Но чем больше будет горячиться Юнус, тем спокойнее будет становиться Бахир, тем медлен-

нее он станет перебирать четки, выточенные из кости носорога: разговор – не пожар, он требует взвешенности и рассудительности.

Да, путь через Эль-Ариш короче, почти все караваны в Египет пользуются им. Но знает ли юный и неопытный Юнус – тридцать лет не возраст для мужчины! – что это известно не только купцам, торгующим с Египтом, но и кишащим там разбойникам? Он сам может привести несколько случаев грабежей караванов, хотя ходил-то сам туда раз, два, не больше.

Дальше...

Еще одна отполированная кость переместится по шелковому шнуру.

Купцы предпочитают ходить побережьем летом, когда путь через Синай труден из-за жары в пустыне, и смертельно опасен для того, кто не знает оазисов и укромных колодцев для стоянок. Еще покойный отец Бахира, почтенный Базид, имя которого до сих пор уважаемо среди торговцев, да возрадуется его душа, слыша, что сын до сих пор его почитает, повторял: «Две дороги в Египет: летом – через Суэц, зимой – через Синай». Сейчас – зима, погода им благоприятствует. А оазисы и колодцы сегодня никто лучше Бахира не знает – впрок пошли уроки почтенного Базиды, благословен будь его посох, измочаленный о бока сына!

Дальше...

Еще одна кость скользнет по шнуру.

Если они пойдут через Синай, на пути у них будет Акаба; а в это время там часто можно встретить купцов из Индии. Индийские купцы, всем известно, платят хорошо, за хороший товар денег не жалеют, не то что эти египетские мошенники!

Внезапный шум прервет рассуждения Бахира. Это погонщик Али со своим невразумительным мычанием и испуганными жестами. Юнус поднимется с места и пойдет узнать, в чем дело. Вернется он с сообщением, что по дороге от благословенной земли в их сторону движется человек. Встревоженный Бахир распорядится припрятать получше товары и приготовиться к обороне. Но напряжение спадет, когда подошедший окажется благообразным стариком с длинной седой бородой, развеваемой ветром.

– Мир вам, о путники! – обратится он к Бахиру, выделив его из всех не потерявшим зоркости взглядом.

– Мир и тебе, путник! – ответит на приветствие Бахир и пригласит старика к костру по древнему обычаю.

Законы пустыни суровы: если встреченный желает тебе мира, ты обязан разделить с ним еду и тепло костра, ибо кто знает, не окажешься ли завтра ты сам в его положении?

И сядет старик к костру, пригладив бороду и протягивая к теплу озябшие руки, и оба будут бросать незаметные, но пытливые взгляды друг на друга: один – из-под кустистых бровей, другой – из узких хитрых щелочек, куда так удобно прятать глаза.

И потечет неторопливая обстоятельная восточная беседа, беседа ни о чем – невежливо задавать интересующие тебя вопросы незнакомцу прямо в лоб – в которой не менее слов важны интонация, паузы и жесты. Наконец, Бахир поведает о себе, бедном, маленьком купце из Сирии, который едва сводит концы с концами, подвергая себя постоянным лишениям в пути. Старик покивает, сочувствуя Бахиру, и в свою очередь назовет себя странником, который ходит из города в город и довольствуется добротой встречаемых.

– Хватает ли почтенному страннику доброты встречаемых? – лукаво спросит Бахир.

– Хватает ли птице неба, а рыбе – моря? – ответит странник. – В душе самого закоренелого преступника доброты хватит на все мироздание, необходимо только подобрать нужный ключ к его душе. А самый верный ключ к душе человека – знание о его будущем.

– Воистину так, – согласится Бахир, перебирая четки, только глаза его еще глубже уйдут в узкие щелочки, потому что в этом древнем, как мир, состязании – разговоре двух человек – перевес на его стороне.

– Еще я снимаю порчу, зубную боль, ведаю травы, вправляю суставы, – монотонно продолжит странник, и Бахир будет согласно кивать ему, перебирая четки и внутренне настораживаясь.

Смутное беспокойство охватит его.

Непрост этот старик! Обладая половиной этих знаний,

можно рассчитывать на нечто большее, чем кусок хлеба и придорожный костер. Если...

Если только он не корыстный шарлатан, обращающий себе на пользу людскую доверчивость.

– Истинное знание отличается от шарлатанства тем, – продолжит старик, словно прочитав мысли Бахира, – что стремится не навредить человеку.

– Разве может правильное предсказание навредить человеку? – удивится Бахир. – Если ты правильно предскажешь мне, с какой прибылью я продам свой товар в Акабе индийским купцам, я смогу уже сейчас строить свои планы на обратный путь, – что же в этом плохого?

– Скажи, – спросит старик, подняв глаза от пламени и впервые за весь разговор открыто посмотрев в лицо Бахира, – ты хотел бы знать, когда ты умрешь?

Наступит молчание, ибо Бахир будет растерян и смущен.

Непрост старик, и в этом состязании у Бахира уже нет перевеса.

Чтобы выиграть время и собраться с мыслями, Бахир крикнет Юнусу привести к костру невольницу.

Разговор о женищинах – умный и отвлекающий ход в этой партии.

И сядет невольница по другую сторону костра, пряча лицо от мужчин, и займется младенцем на ее руках.

– Вот, – усмехнется Бахир, – убыток мне и разорение! Купил я ее еще в Харране вместе с другими рабынями, оста-

вил в Дамаске, благо он рядом, пустил остаток денег во второй оборот и отправился с караваном в Тарс с шелком и выделанными кожами. Затем вернулся за ними, чтобы продать в Иевусе, а она, оказывается, уже в тягости!

– Тягость женщины – благо человеку, – заметит странник, внимательно оглядывая невольницу с белокурыми волосами, склонившуюся над младенцем.

– И убыток торговцу! – возразит с невеселым смехом Бахир. – Дикарки с другой стороны Понта хорошо идут на наших рынках, но кому нужна рабыня с младенцем? Пока она кормит, – она нечиста, ибо должны пройти дни ее. А кормить даром младенца в ожидании, когда он станет сильным и работающим, никто не хочет. Придется отнять у нее младенца. Эй, Иллели! – крикнет Бахир невольнице. – Я отниму у тебя младенца и продам тебя на обратном пути. Ты слышишь меня?

Невольница крепче прижмет к себе младенца и что-то глухо, как собака из своей конуры, заворчит вполголоса.

– Странная она какая-то! – продолжит Бахир доверительно. – Юнус сказал мне сначала, что родила она вроде как мертвого младенца, я обрадовался, но оказалось, зря – живой, щенок, и невредимый! Эй, Иллели! Это правда?

И не заметит при этом Бахир, как насторожится старик.

– Мой сын, мой Дажд... Он долго спал, а теперь проснулся. Он живой!

– А теперь мне надо кормить и тебя, и твоего Дажда? –

Бахир развлекается от скуки и развлекает странника. – Отниму!

– Младенец? – скажет старик негромко, словно самому себе. – Дажд?

– Он – мой! – рабыня судорожно стиснет младенца, и блеск ее бездонных глаз невольно озадачит Бахира: то ли это – ненависть, то ли просто блики костра. – Дажд – мой!

– Младенец? – снова скажет старик. – Звезды не могут лгать.

– Ты что-то сказал, почтенный? – спросит Бахир.

– Я иду от Бет-Лехема, – переведет разговор странник, и Бахир тотчас мановением руки отошлет Иллели с ее младенцем к себе.

Конец развлечения, продолжается серьезный разговор двух мужчин, продолжается состязание!

– Знаком мне этот город, – делает он осторожный ответный ход, передвигая полированную кость по шелковому шнуру.

– Там на постоялом дворе...

– И постоялый двор знаком мне! Кто же из купцов не знает постоялый двор Бет-Лехема и Забтеха, наикорыстнейшего хозяина его? Но продолжай, – еще одна кость скользнет по шелковому шнуру.

– В ночь новолуния великое чудо засвидетельствовали мы.

– Чудо? Какое же, о почтенный странник?

– Рождение младенца.

Бахир едва сдержит вздох разочарования и раздражения.

Со слабым играть неинтересно.

Воистину между глупостью и мудростью расстояние тоньше волоса из хвоста осла!

– Тогда, почтеннейший, каждый мужчина, начиная с Адама, познавая женщину, может считать себя чудотворцем, – засмеется Бахир, сдвигая все кости по шнурку и начиная партию сначала. – Но прошу тебя, давай не будем больше о младенцах, – я тоже иду от этого постоянного двора не могу опомниться от такого «чуда».

– Я – гость у твоего костра, – согласно наклонит голову странник. – Красивые у тебя четки, – заметит он, начиная новую тему.

– В пути, о путник, да будет тебе известно, лучше перебирать четки, чем считать верблюжьи шаги, – уклончиво ответит Бахир.

– Я вижу, что они недавно у тебя, – усмехнется старик.

– Да... – растеряется Бахир. – Я выиграл их в кости как раз у хозяина постоянного двора в Бет-Лехеме, почтенного Забтеха.

Нет, не прост старик!

Четки! Откуда он узнал?

– Однако ты сказал «мы»? – вспомнит Бахир. – «Мы засвидетельствовали чудо»?

– Колодец мудрости не вычерпать одной горстью.

– И они тоже, как и ты... кудесники и прорицатели?

– Я – недостойный ученик, испивший крохотный глоток из колодца Знания.

– Хорошо, – Бахир, наконец, решается свести разговор к пугающей и манящей его теме, – Юнус! Приведи сюда Али. Да поживее!

Наконец, разбуженный и перепуганный Али будет вытолкнут Юнусом в светлый круг костра.

– Где я мог видеть его? – удивится старик.

– Его? Этот высохший овечий помет? – всплеснет руками Бахир. – Не смей меня, почтеннейший. Его можно видеть или спящим под верблюдом, или спящим на верблюде... Ты сказал, что не предсказываешь судьбу, чтобы не навредить слышавшим их людям? Этот Али – он глух, подобно черепку кувшина. Он не может услышать твои слова, поэтому они никак не навредят ему. Предскажи нам его судьбу!

Странник долго будет смотреть на огонь, словно не слышав вопроса. Потом поднимет взлохмаченную ветром голову:

– Он умрет.

Беспокойство охватит Бахира, но он попытается отшутиться:

– Такие пророчества и мне по силам, ибо кто не знает, что все мы смертны?

– Он умрет скоро.

Веселье оставит Бахира, и уже боязливо, с трудом двигая

внезапно одеревеневшим языком, он спросит, уставившись в огонь:

– Когда?

И услышит в ответ одно короткое слово:

– Завтра.

Бахир нетерпеливым жестом отошлет несчастного Али к себе обратно.

Какой страшный ответ! Сколько он рождает вопросов! Что случится завтра? Что случится с Али? А с остальными? А...

– Не спрашивай меня больше, о гостеприимный путник! – скажет странный старик и решительно поднимется с места. – Благодарю тебя за тепло костра и разделенную трапезу. Мне пора в путь.

– Куда же ты – впереди ночь! – Бахиру немного досадно прерывать разговор.

Ибо в этом состязании победа была не на его стороне.

– Самая спокойная пора, – усмехнется старик, – в наше смутное время, а я сведущ еще и в звездах. Звезды же говорят, что все идет по предначертанному ими пути, с которого не свернуть ни мне, ни тебе, ни твоей невольнице с чудесным младенцем. Прощай!

Бахир останется сидеть, пригвожденный к месту страшным пророчеством, провожая глазами фигуру, постепенно тускнеющую во мраке. А потом, удивленно обнаружив в своей руке забытые четки, он вскочит, словно ужаленный,

и крикнет вслед старику:

– Скажи мне еще! Иллели – ее здесь нет!

– Она слышит, – раздастся в ответ.

– Тогда – младенец ее неразумный! Дажд!

Фигура старика замрет на мгновение, а потом растворится во тьме, и до костра долетит ослабленный ветром крик:

– Он не умрет.

Костер станет едва теплиться. Пора ложиться – предстоит дальняя дорога.

Бахир еще раз отдаст распоряжения Юнусу о ночном дозоре, а затем медленно побредет в свою палатку и долго будет ворочаться на своем ложе, вспоминая странные слова предсказания.

*Непрост старик! Как это все понимать? Он и не соби-
рался пока вышвыривать этого щенка! Ну, а что касается
глухонемого Али... Змея, что ли, его ужалит? Хотя – какие
змеи зимой? Со скалы сорвется? А что его туда понесет?
Какая разница! Умрет – значит, умрет. Цена ему – тень
осла на песке. Одним едоком меньше. Добраться бы до Ака-
бы – там он купит себе нового погонщика верблюдов.*

И уже погружаясь в спасительные волны сна, Бахир, слов-
но передвинув последнюю полированную кость по шелково-
му шнуру, удивленно пробормочет про себя:

– Дажд?

Глава вторая

Постоялый двор

По кривой улочке, пересекающей весь пологий амфитеатр Бет-Лехема, мимо оград и домов с укрывающими их смоковницами и шелковицей медленно шли трое пожилых мужчин в темной повседневной иудейской одежде, сопровождаемые двумя римскими солдатами. Солдаты тяготились своей работой, откровенно скучали и не пытались скрыть своего недовольства предстоящим. Один из них, старший если не по званию, то по поведению, долговязый, рыжий, широкоскулый, с колючими желтыми глазами хищника, то убыстрял шаг, недовольно оглядываясь на сопровождаемых ими иудеев, не спешащих угнаться за ним, то останавливался, подбоченясь, и провожал каждого встречного прохожего откровенным изучающим взглядом, словно выискивая объект для выражения своего раздражения. Короткая, выдавшая виды туника его открывала мускулистые руки, покрытые рыжими волосами, и кривоватые, привыкшие к походам ноги в калигах с ремнями из телячьей кожи.

– Хлебное место¹⁴! – проворчал он себе под нос. – Они умудрились эти вторые Помпеи с Геркуланумом назвать

¹⁴ Так переводится с еврейского Бет-Лехем, находящийся на месте тектонического разлома.

«хлебным местом»! А завтра опять смена караула. Где? Ну конечно, в раю. Разве как-нибудь иначе могут называться у них эти края? Дже... Фре... Джебель эль Фередис¹⁵! Тьфу, язык сломать можно...

Несколько шагов он прошел в молчании, но, наконец, не выдержал.

– Подумай, Воган, хорошенько, – обратился он к своему напарнику, молодому темноволосому солдату, совсем еще юноше, миловидному, словно девушка, старательно подражающему старшему товарищу, – мало того, что нас перебрасывают из одной дыры в другую, так мы еще должны пересчитывать это обрезанное стадо, как овец в их овчарне!

Воган промолчал, ожидая продолжения, и не ошибся, потому что желтоглазый, лязгнув гладием, раздраженно сплюнул:

– Может быть, эти дикари умеют считать только до трех, и мы приставлены обучить их счету?

Воган рассмеялся:

– Я думаю, считают они хорошо. Особенно деньги.

– Будь я на месте Квирина, я назначил бы подати не от количества этого сброда, а от того, сколько нужно Риму. И выбил бы их до последнего обола, не будь я Вепрь! А не играл бы в дипломатические игры с их обезьяньим царем, сидящим на своей райской горе. И Сабину не пришлось бы

¹⁵ Джебель эль Фередис (араб.) – «Райская гора», в окрестностях Бет-Лехема, где находилась царская резиденция Ирода Великого.

отрывать нас от красоток Дамаска, чтобы привести на помощь – кому, Воган? – мужчине, который убоился юбки!

– Тише, тише!

– Я говорю только то, что известно всем от Египта до Британии, – рыжеволосый снова сплюнул, зло ощерившись, – хотя ты, быть может, такой же трус.

– Я не боюсь юбок, Пантера!

– Насчет юбок, Воган, ты бы лучше помолчал или научился врать не краснея.

Воган нахмурился и покраснел еще больше. Тот, кого он назвал Пантерой, хмыкнул и хлопнул его по плечу.

– Хватит, хватит... Что тебе делать в армии, дитя? Тебя надо было назвать не Воганом, а армянским яблоком¹⁶!

Несколько шагов прошли молча. Затем рыжеволосый вновь не выдержал.

– Царь... Да... Риму хорошо известны его веселенькие дионисиады в катакомбах Бет-Лехема. Воган, тебя прислали в этот крысятник охранять вечно живого бога!

– Тише, Пантера, нас могут услышать!

– Кто? Это ученое пугало? Не смей меня. Эй, кладезь иудейской премудрости, ты слышал что-нибудь? – обратился Пантера к одному из трех идущих следом мужчин, в котором по его одежде можно было узнать местного равви.

– Каждого из нас одолевают свои мысли, – смиренно ответил равви.

¹⁶ Армянским яблоком римляне называли абрикос (Armeniaca).

Пантера расхохотался:

– Не знаю насчет тебя, а меня точно одолевают. О, стыдливейший из Воганов! Если я тебе скажу, что у меня жажда, не верь мне. Потому что у меня – не жажда, а огнедышащий Везувий!

– Скоро ли, о почтенный бен-Иаков? – тихо спросил тем временем равви идущего рядом пожилого бородатого мужчину, с тяжелыми руками мастерового.

– Немного осталось, равви Менахем, – ответил Иошаат (ибо это был он).

Иошаату и самому хотелось побыстрее закончить неприятное дело. Не вмешайся Господень произвол в его планы, уже сегодня вечером он бы покинул город Ефраха¹⁷. Но младенец...

Теперь не тронуться с места, пока не исполнить все полагающиеся по закону обряды и не пройдут установленные дни Мириам. Завтра – обрезание. Завтра младенец получит достойное пророчество имя перед Господом. Одной заботой меньше. Хорошо еще, хозяин Забтех переселил их из вонючего овечьего загона в относительно чистую комнату, где есть место и ему, и Мириам с младенцем.

Мириам... Ее словно подменили после родов. Молчит, не поднимает глаз, не улыбнется ни разу. И все время плачет, плачет, плачет. Молча! Просто сидит и держит мла-

¹⁷ Иное название Бет-Лехема, чтобы отличить его от Бет-Лехема Завулонова, находящегося неподалеку.

денца, а слезы капаят на грудь. У нее, наверно, груди полны слез вместо молока, потому что младенец все время выплевывает грудь и хнычет. Эй, вай, надо привезти ее скорее домой. Там, в хлопотах по хозяйству и детям, глядишь, и переменится ее настроение. А то сейчас – ни улыбки, ни песни, ни жизни, ни света.

Эх, ладно. Что об этом? Скорее бы домой! Как там дети?

Наконец, они подошли к постоялому двору. У порога сидел какой-то нищий. Пантера кашлянул, проходя мимо, потом остановился. Меч привычно вынырнул из ножен и оказался в руке.

Странно.

Обычно зловещего шелеста гладыя, вынимаемого из ножен, доставало, чтобы люди шарахнулись в сторону, однако этот старик остался на месте. Да и на нищего он не похож. А глаза, глаза! Пантера слыша сказочки, которые любят рассказывать на Востоке о переодетых нищими царях, гуляющих по улицам, но, о милосердные боги, какие уж тут, в этой дыре, цари!

– Сидим, – сказал Пантера неопределенно и добавил Вогану: – Иди, начни, я догоню.

Нищий улыбнулся.

– Солнце светит одинаково рабу и властелину, старику и младенцу.

– Дураку с мечом и мудрецу в лохмотьях, – продолжил Пантера. – Верно? Договаривай, я слушаю тебя внимательно.

– Ты слушаешь меня, я слушаю тебя, а кто слушает нас с тобой обоих?

Нищий снова улыбнулся, открыто и спокойно. Это тоже было странно.

Пантера постоял, не зная, что делать, потом досадливо вздохнул.

Ладно. Почему ты решил, что он должен тебя бояться? Будь самим собой, остальное приложится.

Он убрал гладий в ножны и вошел в дом. Там гнулся и изгибался хозяин, сириец Забтех, словно ручная обезьяна, потом переменялся в лице, увидев взгляд желтых глаз, и постарался куда-то скрыться.

Пантера сощурился.

Не хотел бы я искать здесь ночлега в непогоду. Такой родную мать уложит в овечьем загоне.

Забтех кланялся и пятился вглубь дома. Оттуда доносился плач и попискивание.

Что мне, больше всех надо?

– Верни мне моего ягненочка!

О боги, что это?

Он прошел вглубь жилья. Пахло затхлостью и какой-то подгоревшей едой. У ложа толпились пришедшие со стариком; Воган стоял в стороне, стараясь придать лицу внушительность. Старик бросил на него прежний свой взгляд – затаенную смесь страха и тоски.

На все твоя воля, Адонай!

Пантера повеселел. Это уже было знакомо.

Навстречу ему метнулась испуганной летучей мышью какая-то древняя старуха. Пантера поймал ее за край тряпья, в которое та была укутана, и оглядел со смесью удивления и брезгливости, как глядят на обнаруженную под камнем со-роконожку:

– Как тебя зовут, если ты – не Медуза Горгона и не прямая родственница ей?

– Рученьки мои бедные, – запричитала старуха.

– Она что – сумасшедшая? – спросил Пантера у старика.

– Это – Шелима, – сказал Иошаат, мучаясь необходимостью говорить со страшным римлянином. – Приходит... помогает ухаживать за младенцем.

– Родственница?

– Что? Нет. Ничья она.

– Значит, так, – Пантера повернулся к Шелиме. – Я смотрю на тебя – раз, потом я закрываю глаза – два, потом я открываю глаза – и тебя здесь нет. Три!

Шелима, подобрав лохмотья, метнулась к двери.

– Так-то лучше, – Пантера ослабился. – Люблю, когда команды выполняются четко и беспрекословно. Иначе в Иудее при переписи недосчитались бы одной старухи, которая, впрочем, ничья. Верно, не будь я Вепрь?

Равви Менахем монотонно начал свое освидетельствование перед солдатами о том, что эти люди – древодел из Назиры Иошаат и его жена Мириам, а также их недавно родив-

шийся младенец, еще не представленный Господу и потому не имеющий имени. Писец записал свидетельство равви.

Пантера зевнул.

Дело сделано. Скорей бы в казармы! Пока рядом есть протодушный Воган, которого можно обыгрывать в кости, ему обеспечен кувшин вина на ужин.

Затем он

О боги,

увидел Мириам
что за глаза!

и двинулся к ней.

– А ты, значит, просишь дать тебе твоего ягненокка? Воган, – Пантера подмигнул своему напарнику, – у Рима есть волчица, как тебе, должно быть, известно. А у иудеев – овечья мать. Ягненок! Sancta mater, castusa¹⁸!

Что со мной?

Солдаты засмеялись. Пантера повернулся к старику.

– Не поделится ли секретом такой старый почтенный овен, как удалось ему сотворить этого ягненокка?

Воган захохотал преувеличенно громко, как смеются робкие, скованные люди, желая скрыть свою робость.

Ну и шутник этот Пантера!

– Нет, – Пантера продолжал развлекаться, – не верю я. Во-

¹⁸ Sancta mater, castusa (лат.) – святая мать овечья.

ган, по-моему, тут не обошлось без вмешательства каких-то других баранов, помоложе!

– Это – мой сын! – голос Иошаата задрожал от стыда и гнева.

– О! – сказал Пантера удовлетворенно.

Наконец-то есть повод придраться.

– Речь не овна, а волка? Волка, защищающего своего волчонка?

Иошаат промолчал.

Молчи, ибо Иошаат ты, а не Иов.

– Известно ли старому облезлому волку, – презрительно сказал Пантера, – что у Рима есть два молодых и вполне зубастых волчонка? И больше волчат ему не надо!

Иошаат вновь промолчал, раздувая ноздри, сжимая и разжимая ладони.

– А для щенков, которые не приучены к хозяйской руке, хватит римских палок. Знаешь ли ты, старик, что такое римские палки?

Пантера придвинулся к Иошаату вплотную и медленно, отчетливо сказал:

– Это – палки, сколоченные крест-накрест.

Иошаат, не выдержав, отвел в сторону глаза. Пантера удовлетворенно кивнул и повернулся вновь к Мириам.

Глупости. Я солдат.

Потом подошел поближе, хищно вглядываясь ей в глаза.

– Что-то мне припоминается...

Мириам, прижав к себе младенца, замерла под взглядом римлянина.

Молчи!

– Что-то интересное...

Мириам, дрожа, снизу вверх глядела в широкоскулое веснушчатое лицо с узкими щелями желтых глаз..

А потом Пантера резко выпрямился.

– Не помню. Какая жалость! А впрочем, Воган, знай: голешки в костре все одинаковые и одинаково обжигают руку, не будь я Вепрь. Я прав, красотка?

В это время младенец оторвался от груди Мириам и пронзительно закричал.

Пантера удовлетворенно ухмыльнулся:

– Вот видишь, я прав. Воган, нам больше нечего делать в этом клоповнике. Ты должен мне кувшин вина, забыл?

Вот так.

Солдаты с шумом и грохотом прошли в двери.

Уходя, Пантера оглянулся и снова долгим взглядом впился в Мириам.

– Нет, ничего. Идем!

За дверью у входа все в той же позе сидел нищий. Он поднял голову, оглядывая проходящий мимо солдат. Он не улыбался. Так смотрят люди на свою работу, подводя ей итог.

– Ты видел его.

Пантера крутанулся на месте.

– Что?

– Ты видел младенца.

Пантере стало легче.

Нищета, как и чрезмерное богатство, плодит безумие.

– Видел, старик, видел. Младенец как младенец.

Большими шагами он догнал ушедшего вперед Вогана.

Оставшиеся в комнате ждали, пока утихнут шаги и голоса римлян. Потом писец и равви, покосившись на дверь, склонили прощально головы и вышли следом. Иошаат повернулся к Мириам:

– Ничего! Ничего, Мириам. Завтра!

Глава третья

Сыновья и дочери

– Хаддах! Не лезь за стол раньше времени! Старшие еще не подошли. Иди лучше поищи Цевеона.

– Не хочу.

– Вот упрямый мальчишка! – Гадасса, старшая сестра, милостивая, слегка полноватая и слегка косящая девочка лет пятнадцати, рассердилась не на шутку. – Ты слышал, что я тебе сказала?

Хаддах, смуглый черноволосый пострел лет шести с блестящими озорством глазами, на всякий случай ускакал в сторону от сестры.

Даже мать не была такой строгой.

– Пусть Суламитт идет.

– Она старше тебя, ей шесть лет, а тебе – всего пять.

– Она – девчонка, вот пусть она и идет.

– Посмотрите на него! – Гадасса, как взрослая женщина, уперла руки в бока. – Посмотрите на этого грозного мужа, отца семейства.

– Вот вернется отец, – пообещала брату Суламитт, – тогда ты узнаешь, кто – грозный муж, а кто – непослушный мальчишка.

– А ты – противная ябеда!

– А ты... А ты...

– Хаддах! Суламитт! Вас на улице слышно.

– А почему она все время ябедничает?

– А почему он обзывается и за Цевеоном не идет?

– Хаддах, за свои дурные слова и непослушание ты три раза прочитаешь вечернюю молитву перед сном.

– Подумаешь!

– Четыре раза, – ледяным тоном уточнила Гадасса.

Хаддах обиженно засопел, решив больше не искушать судьбу.

– Как будто не известно, где он – конечно, у своих голубей.

– Где бы он ни был, к ужину опаздывать негоже, – тоном опытной хозяйки отозвалась Гадасса, и в этот момент Хаддах подпрыгнул на месте и заскакал по двору:

– Вот и он! Вот и он! И нечего шуметь было!

Во двор вошел Цевеон, худенький, болезненного вида мальчик лет десяти. Он шел медленно, неся что-то в сложенных ладонях. Подойдя поближе, он остановился и раскрыл ладони.

– Вот.

– Ой, что это? – на лицах Суламитт и Гадассы отразились в разном соотношении брезгливость и любопытство.

– Голубь! Голубь! – заплясал вокруг радостный Хаддах.

– Птенец, – пояснил Цевеон, – он выпал из гнезда и сломал крыло.

Хаддах осторожно дотронулся до птенца. Тот запищал.

– Живой!

– Он умрет, – просто сказал Цевеон.

– Умрет?

– Конечно. Ночью его любая кошка или собака найдет.

– А если его обратно в голубятню положить? – спросила

Гадасса.

– Он не сможет жить со сломанным крылом, – пояснил

Цевеон, – и потом...

– Что потом?

– Я пробовал его положить в голубятню.

– И что?

– Остальные голуби... Они... – Цевеон вздохнул. – Они его выбрасывают обратно.

Наступило молчание. Дети обступили Цевеона, рассматривая птенца в его руках.

– Что же с ним делать? – наконец, спросила Суламитт.

– Съесть! – предложил Хаддах. – Зажарить на костре и съесть.

– Тебе ужина мало? – Цевеон удивленно посмотрел на младшего брата.

– А я знаю! – пропела довольная своей задумкой Суламитт.

– Что ты знаешь?

– Мы можем погадать!

– Погадать?

Все уставились на Суламитт.

– Да, погадать. Гадают ведь на жертвенных животных –

овцах, петухах, быках... Голубей тоже приносят в жертву, значит, на голубях тоже можно гадать, – пояснила она.

Цевеон нахмурился:

– Да, но гадание – это грех. Так нам наш равви говорит.

– Глупый! Откуда он узнает?

Все невольно посмотрели на маленького Хаддаха. На его лице ясно отображалась борьба желания отомстить вредной сестре с любопытством принять участие в новом развлечении, да еще запретном.

Наконец, любопытство пересилило. Хаддах пожал плечами:

– Откуда он узнает?

– Постойте, постойте, – Гадасса оглядела всех строгим взглядом старшей.

Гадание – грех...

Но мне тоже интересно.

– Гадасса! Я буду слушаться тебя всегда-всегда! – льстиво сказала Суламитт.

– А я прочитаю молитву перед сном целых пять раз, – пообещал Хаддах.

Все невольно рассмеялись, и Гадасса тоже. Она уже не колебалась.

– А на что мы будем гадать? – задала она главный вопрос.

– Давайте – когда ты выйдешь замуж! – предложила Суламитт.

– Что ты, глупая, ни за что! – Гадасса покраснела от сму-

щения.

– Когда отец вернется? – предложил Хаддах.

– Он вернется, когда внесут его в списки переписи в его родном Бет-Лехеме, – сказал Цевеон.

– И она с ним, на сносях, – вздохнула Суламитт.

– Она? Она теперь нам – мать, – укоризненно поправила Гадасса.

– Соседки до сих пор судачат у колодца, что... – начал Цевеон и запнулся.

– А я знаю, при мне они тоже говорили! – победно закричал Хаддах. – Что она – дева.

– Нет, – покачал головой Цевеон. – Что дева понесла и девою осталась.

– Дева! – ехидно рассмеялась Суламитт. – И понесла – дева, и родит – дева, и теперь нам мать будет – дева! Чудо неслыханное! Вот на кого гадать надо.

– А что такое дева? – спросил Хаддах.

Сестры его рассмеялись.

– Узнаешь, когда вырастешь, – сказала Гадасса. – Хорошо. Гадаем на нее.

Цевеон положил птенца на округлый плоский камень у скамьи. Все окружили его, заключая в круг на правах старшей Гадассу с зажатым в руке ножом. Она склонилась над птенцом, взялась за крыло свободной рукой. Птенец пискнул и замолчал под ножом, окрашивая камень кровью. Гадасса присела на корточки, всматриваясь в окровавленный

комок перьев на камне. Братья и сестры ждали, затаив дыхание и вытянув шеи от любопытства.

– Что тут происходит? – раздался удивленный возглас от ворот.

– Екевах! – крикнул Хаддах, бросаясь навстречу старшему брату, плотному, угловатому юноше, копии Йошаата, старательно подражающего отцу даже в жестах и манере речи.

Гадасса поднялась с колен, торопливо утирая руки пучком травы. Екевах. Она хоть и старше его на целый год, но он – сын, первенец, мужчина.

Екевах подошел ближе, недоуменно оглядев окровавленный комок на камне.

– Не знал я, что у нас дома ворожкой занимаются, – наконец сказал он.

Гадасса не успела ответить, потому что Хаддах бросился к воротам навстречу еще одному брату. Осий, второй сын, на пару лет младше Екеваха, тонкий, худощавый подросток, вернулся с пастбища усталый и запыленный. Суламитт подошла к братьям с кувшином для омовения рук.

Наконец, все расселись, и Екевах прочитал молитву, подняв над головой рано познавшие труд мозолистые руки ученика древодела, наследующего дело отца.

Вечерняя трапеза началась.

– Как твоя работа, Екевах? – спросила Гадасса: по неписаному семейному закону разговор за столом должен быть начат непременно старшими.

– К нему приходил равви Мешуллим, – зачастила Суламитт и осеклась под укоризненным взглядом сестры. – Прости, Екевах.

Екевах выждал паузу, достаточную для того, чтобы сгладилось впечатление от бестактности Суламитт.

– Ко мне приходил равви Мешуллим, – сказал он наконец, – с известием о смерти старого Олама.

– Умер старый Олам! – Гадасса печально воздела руки, зазвенев медными браслетами. – Я знала его еще девочкой, он был добрый, всегда подшучивал надо мной и дарил что-нибудь: персик изюм, эгоиз...

– Равви Мешуллима интересовало, может ли он направить ко мне в отсутствие отца родственников покойного Олама для заказа гробницы.

– Гробницы, – зябко поежилась Суламитт.

– И что ты ответил равви Мешуллиму? – спросил Цевеон.

– О равви Цевеон, я ответил равви Мешуллиму, что готов принять родственников покойного Олама, – Екевах шутливо поклонился Цевеону. – Все наше благополучие держится на таких заказах. А на вырученные деньги, если их хватит, конечно, брат мой, я куплю тебе еще один свиток. Ты рад?

– Да, – сказал Цевеон смущенно.

– Еще больше будет рад наш отец, – сказала Гадасса, – он всегда говорил, что один свиток Завета в доме важнее десяти еф муки.

– Да, тем более – потомкам царя Давида, – кивнул Екевах.

– А ты справишься без отца? – спросила Гадасса.

– Справлюсь, отец меня учил работе с камнем. Справлюсь, если, – Екевах засмеялся, – если мне не помешает еще один потомок царя Давида.

– Кто, Хаддах? – спросила Гадасса. – Этот непослушный мальчишка...

– Нет, не Хаддах, – Екевах покачал головой и хитро улыбнулся, – я хочу до возвращения отца успеть закончить еще одну работу.

– Тоже заказ? – спросил Цевеон. – Еще гробница?

– Нет, не заказ и не гробница.

– А что же это тогда? И при чем тут потомок царя Давида?

– Я хочу сделать колыбель для новорожденного.

– Для него? – понизив голос, со значением спросила Гадасса.

– Да, – кивнул Екевах, – он ведь – новый член семьи, и надо заботиться о нем.

– Колыбельная и гроб! – закричал Хаддах. Все засмеялись невольно, и он снова повторил: – Колыбельная и гроб!

– Да, Хаддах, – сказал Екевах, – колыбельная и гроб, а между ними размещается вся жизнь человеческая.

– Успеешь? – спросила Гадасса.

– Я буду вставать до рассвета и работать дотемна, – сказал Екевах.

– Может быть, тебе помочь? – спросил ревниво Осий.

– А кто же тогда будет пасти соседских овец? Твоя работа

тоже очень важна, и дает семье лишний кусок хлеба.

– Кстати, ты сегодня что-то задержался. Ничего не случилось? – спросила Гадасса.

– Нет, все в порядке, – махнул рукой Осий, – просто одна из овец потерялась, так что пришлось побегать по холмам за нею.

– Наверно, эта была одна из овец Ал Аафея, – шутливо сказала Гадасса.

– Ну да, – кивнул Осий, – они у него такие же любопытные, как он сам, так и норовят куда-нибудь удрать.

Все засмеялись.

– Спасибо, сестра, за ужин, – сказал Екевах.

Трапеза была окончена, но все оставались за столом. Так приятно было просто сидеть под ласковым вечерним солнцем. Один неутомный Хаддах выскочил из-за стола и сейчас носился по двору.

– Ну что, Цевеон, – вздохнул Екевах, – неси свои свитки, наступила пора чтения, как того требует отец после каждого ужина.

Осий привстал, чтобы выпустить Цевеона, и взгляд его упал на плоский окровавленный камень.

– Что это тут? – вскрикнул он невольно.

– А, это? – Екевах посмотрел на Гадассу. – Ну, сестра, что ты нагадала?

– Да ничего она не нагадала, – подскочил Хаддах, – она вообще гадать не умеет. Кровь, кровь, кровь – и больше ни-

чего! Тоже мне взрослая! – передразнил он.

Все засмеялись. Гадасса даже не стала ругать озорника.

– А ведь интересно, – она оглядела всех за столом, – что с нами со всеми будет? Что сбудется, а что не сбудется? Ведь вы все о чем-нибудь мечтаете. Вот ты, Екевах, кем ты хочешь стать?

– Я, – сказал Екевах, – хочу научиться делать не только гробы и колыбели, а дома, дворцы, мосты. Тогда ко мне будут приезжать за заказами из самого Иевуса!

– А ты, Осий?

– Я буду откладывать по одной драхме долго-долго, чтобы потом у меня были свои овцы, целая отара!

– Не забудь только пригласить нас попробовать твоего жареного барашка, – сказал Екевах.

Все засмеялись.

– А Цевеон?

– Ну, насчет Цевеона все ясно, – сказал Екевах. – Наш маленький «равви» станет большим равви Цевеоном, и вся Назира будет приходить к нему за советом.

Все снова засмеялись.

– А ты, Хаддах?

– А я хочу быть воином! – крикнул, носясь по двору, Хаддах. – Чтобы драться с римлянами!

– Хаддах! Тише! – переполошились сестры.

Цевеон вернулся со свитками Завета в руках.

– Читать?

– Читай, читай, – кивнул Екевах.

Приятно быть старшим, когда тебя спрашивают, как быть.

Палец Цевеона заскользил по развернутому свитку, и он нараспев начал:

Один телец, один овен, один однолетний агнец, во всеожжение,

Один козел в жертву за всех¹⁹.

– Пойдите, пойдите! – крикнул Екевах. – Что же это получается? Телец, овен, агнец... Это же про нашего Осия!

Все засмеялись.

– Точно!

– Да, Осий!

– В твоём стаде как раз овнов хватит!

– Ал Аафей поделится! Если его хорошо попросить!

– Козел в жертву! Козел в жертву! – заскакал вокруг Хаддах.

– Ладно, Цевеон, читай дальше, – сказал Екевах. – Только что-нибудь другое, не про козлов и овнов.

Цевеон развернул другой свиток, дождался, когда стихнет смех и прочитал:

Вот, ты строишь храм; если ты будешь ходить по уставам

¹⁹ Числ., 7, 51—52.

Моим,

и поступать по определениям Моим,
и соблюдать все заповеди Мои, поступая по Ним,
то Я исполню на тебе слово Мое.²⁰

– Екевах! Это про тебя! Ты построишь храм! Екевах! –
радостно загалдели дети.

– Это как гадание получается! – Суламитт всплеснула ру-
ками. – Грех!

– Глупая, какое же это гадание, – сказала Гадасса, – это же
Священное Писание! Скажи ей, «равви»!

– Каждая буква Писания – истина, – важно кивнул Цеве-
он, – и останется истиной, что бы с ней ни делали.

Екевах помолчал, потом тряхнул курчавой головой:

– Ладно. Только действительно чудно получается... Верь,
не верь, а так оно и написано. Читай, Цевеон, дальше.

И положил тело его в своей гробнице, и плакал по нем:
увы, брат мой!²¹

Смех прекратился, все замолчали, глядя друг на друга.
Потом Суламитт закрыла лицо ладонями и всхлипнула:

– Мне страшно!

Маленький Хаддах удивленно посмотрел на сестру, потом

²⁰ 3 Цар., 6, 12.

²¹ 3 Цар., 13, 30.

на братьев и на всякий случай тоже всхлипнул.

– Прекратите! Перестаньте! – рассердился Екевах. – Что за глупости! Сестра, ты видишь, как они себя ведут за столом! Что отец скажет, когда вернется?

– Хаддах! Суламитт!

Хаддах и Суламитт вышли из-за стола и, продолжая всхлипывать, пошли в дом.

– Все, надо заканчивать, – поднялся следом Екевах, – завтра мне рано вставать, надо выспаться.

Братья поднялись и направились в дом. Гадасса осталась прибрать со стола. Она долго сидела, задумчиво глядя в закатное небо.

– Увы, брат мой... – прошептала Гадасса, обнимая себя за озябшие плечи, и невольно взглянула на плоский камень с темнеющим в полумраке пятном на нем. – Увы, брат мой... Увы, брат мой...

Глава четвертая

Мануил

Утром, после молитвы и завтрака, Иошаат, одевшись в самое приличное и взяв младенца в новых белых пеленах, отправился исполнить установление закона.

Проводив его, Мириам осталась одна, впервые с ужасной ночи в овечьем загоне, от которой в ней навсегда поселилась обреченность. А сейчас она впервые ощутила пугающую пустоту у сердца вместо привычного тепла младенческого тела, и мысль о том, что может случиться с ним – с ним, единственным, – ужаснула ее. Разные люди появлялись на постоянном дворе, и, хотя она редко выходила из комнаты и еще реже общалась с посторонними, тревожные новости не миновали и ее. Бет-Лехем – крохотная заплатка на плащанице Израиля, но и сюда докатывались отголоски гремевших в Иевусе раскатов: безумств старого тирана, которого одни считали царем по недоразумению, а другие – по попустительству римлян, а вернее, римских мечей. Мириам слышала, как Иошаат повторял ей несколько раз в разговорах услышанное от других: раб Хасмонеийский. У избранного и возлюбленного Богом народа оказалось слишком много пастырей: каждый обученный грамоте мог найти у пророков подтверждение своей точке зрения; терпение боролось с нетерпением, гнев наталкивался на смирение, любовь переплета-

лась с ненавистью в один глухой мученический стон: доколе, о Господи?

Ходили слухи о канаитах, призывающих к открытому бунту, взявшихся за мечи то в одном городе, то в другом. Чаше других называли Сепфорис, и Мириам было больно видеть, как тревожился Иошаат, ибо совсем рядом была его Назира, его дом и дети: пастухам с горы Фавор хорошо виден дым от домашних очагов Сепфориса.

Ходили слухи о скором Мессии, который освободит Израиль. Спорили, куда повернет Он свой меч: против римлян или против ненавистного Хасмонейского раба? Иошаат строго-настрого приказал Мириам ни единым словом не проговориться о тайне рождения их младенца и не участвовать в подобных разговорах: что будет – будет, на все воля Его. Хотя Мириам замечала, как сдерживает Иошаат переполняющую его радость, когда услышанные слова пророков чудесным образом совпадают с его мыслями, исподволь подсказывая ему: Он! Он!

Где они сейчас? Все ли ладно? Что-то долго: солнце повернуло на вторую половину дня, а их все нет и нет.

А что ты сама, Мириам?

Ты, Мириам, избрала своей судьбой страдание. Рабство миновало тебя, но страдания иного рода ждут тебя. Готова ли ты к ним? Ты пережила ужасную потерю той ночью, ночью родин, – окончились ли твои страдания?

Нет, ибо мне страшно. Боль первой потери переплавилась

в страх перед второй – и последней.

Чего будут стоить твои страдания, если ты лишишься его? Ничего не будут стоить, ибо тогда я умру.

Значит, твои страдания связаны не с твоим спасением, а с сыном твоим? Нет, страдания мои связаны не с моим спасением и не с сыном моим, а со спасением сына моего.

А как же твое спасение, Мириам?

Мое спасение, – это мой сын.

И когда раздались за дверью шаги Иошаата, которые она уже научилась отличать от других, слезы облегчения навернулись ей на глаза.

Вошел Иошаат с младенцем на руках, усталый, но довольный свершившимся.

– Мириам! Опять плачешь, эй-вай, тутовое дерево²²?

Мириам приняла у него из рук сына, распеленала, поцеловала родинку на левом плече и склонилась над ним, чтобы скрыть нечаянные слезы, слезы радости.

Действительно, они льются из моих глаз по любому поводу!

Иошаат расхаживал по комнате, выискивая кувшин и чашу, плеснул себе вина и возгласил:

– Исполнился завет Бога нашего Израиля, и сын твой, жена, принесен Ему, чтобы получить перед ним и Израилем от-

²² Тутовое дерево, иначе шелковица (Morus) – листопадное дерево рода тутовых. Особенностью шелковицы является истечение сока из ранки при любом, самом незначительном повреждении, что послужило распространению на Востоке выражения «плачет, как тутовое дерево».

ныне имя свое – Мануил. Радуйся, Мириам!

Мириам непроизвольно зашептала несущие успокоение слова малой тефиллы:

– Твори волю Твою в вышних на небесах и даруй благоволение боящимся Тебя на земле. Аллилуйя!

– Аллилуйя! – подхватил Иошаат.

Он был счастлив.

Наконец-то Мириам улыбнулась, наконец-то она приняла из его рук в свои – сына, Мануила, наконец-то он может вздохнуть свободно. И все будет хорошо.

Так. Так! Мануил уже сейчас начинает приносить счастье.

Он плеснул себе еще в чашу.

За дверью послышались шаги, шаги многих людей, и они все ближе. Иошаат встревоженно поднялся с места.

Открылась дверь, и Иошаату предстал равви Менахем. Он был явно чем-то взволнован.

– Равви Менахем? – удивленно воскликнул Иошаат. – Что привело тебя сюда, если мы совсем недавно расстались, совершив богоугодное дело?

– О Иошаат бен-Иаков, – сказал равви Менахем, – важные гости посетили меня после этого, и вот – я привел их к тебе.

Он посторонился, уступая дорогу, и в комнату вошли двое мужчин. С их приходом комната сразу сделалась какой-то маленькой и невзрачной. Одежда вошедших, их походка и манеры выдавали в них столичных людей.

Иошаат указал им на скамью и сам сел напротив. Гости важно расселись. Равви Менахем скромно устроился сбоку. Мириам со своего ложа встревоженно оглядывала незнакомцев, прижимая к себе Мануила.

– Мир тебе, Иошаат! – отрывисто сказал один из гостей, молодой щеголь в дорогой, тонкого покроя одежде, по которой в нем даже без талита и тефиллина можно было узнать представителя храма Иевуса. – Меня зовут Гаиафа, – и добавил, не удержавшись, после короткой паузы, – зять Ганана бен-Шета.

Иошаат молча склонил голову, хотя имя это ему ничего не говорило. Только равви Менахем часто-часто закивал, смиренно прижав руки к груди.

Кто же не знает Ганана бен-Шета, члена Санхедрина, одного из вероятных преемников Иоазара бен-Боэта, Первосвященника Израиля!

– А это – Рувим, один из советников Архелая, – так же отрывисто, играя нервным, поминутно меняющимся подвижным лицом, продолжил Гаиафа, подняв тонкую, породисто-вялую руку в сторону второго гостя. Рувим, обрюзгший, высокомерный, в цветастом сирийском одеянии, слегка качнул головой, только обозначив приветствие, и неожиданно тонким, богатым оттенками голосом пропел:

– Мир тебе, Иошаат!

Равви Менахем еще торопливее закивал головой, а Иошаат, пребывая в непонятном оцепенении, так же склонил го-

лову, машинально ответив:

– Мир и вам, гости мои.

Смущение и стыд испытывал он, видя, с какой плохо скрытой брезгливостью оглядывают гости маленькую комнату и нехитрый ее скарб: ложе в углу, деревянные скамьи, кувшин, выщербленные чаши, остатки утренней трапезы на столе. Но все пересиливало едва зародившееся, смутное ощущение тревоги, которая охватывает простого человека в присутствии людей, облеченных властью. Он вспомнил песенку, которую часто слышал на рынке от униженных жизнью нищих:

Горе мне от рода Боэта, горе от их копий!

Горе мне от рода Кантара, горе от их перьев!

Горе мне от рода Ганана, горе от их шипенья!²³

Горе! Что там еще пели нищие?

Иошаат никак не мог вспомнить. Отрывистый, точно лающий голос Гаиафы вернул его к действительности:

– Из хорошего ли рода приходишь ты, Иошаат, и достоин ли ты его славы?

– Я – Иошаат бен-Иаков, из рода Давида-псалмопевца.

– Спроси любого мастерового или пастуха от Дана до Вирсавии, и услышишь, что он происходит из рода Давидова, – сказал Гаиафа, обращаясь к Рувиму.

²³ Из подлинной песни того времени.

Рувим тонко улыбнулся в ответ:

– Значит, он не только пел псалмы!

– Хорошо, Иошаат бен-Иаков из рода Давидова, – Гаиафа снова остро глянул на Иошаата, – ты, без сомнения, праведный человек, исполняешь все предписания Торы и веришь в Завет Израилю.

– Я могу подтвердить это, уважаемый Гаиафа, – подал голос равви Менахем, – ибо не далее как сегодня утром я исполнил обряд обрезания по закону Моисееву над родившимся неделю назад младенцем его и нарек его Мануилом.

Гаиафа выслушал равви Менахема, картинно изогнув бровь, и снова обратился к Иошаату:

– Не об этом ли младенце на руках жены твоей идет речь?

– Да, – сказал Иошаат, чувствуя, как внезапно заколотилось его сердце.

Я не боюсь за себя, – я боюсь за Мануила.

– Но ты не разбирал крышу дома своего при его рождении, – усмехнулся Гаиафа.

– Дом мой – в Назире, – растерялся Иошаат.

Гаиафа и Рувим обменялись быстрыми взглядами.

– Назира! – сказал со значением Гаиафа. – Галил-ха-гоим! Можешь ли ты, о равви Менахем, свидетельствовать в пользу человека из Назире? Но не спеши с ответом, подумай как следует, пока не сверишь его со всеми заповедями Моисеевыми, а их, да будет тебе известно, числом шестьсот тринадцать! И не нарушишь ли ты, равви Бет-Лехема, словом сво-

им хотя бы одну?

– Все заповеди Моисеевы я не назову, – дрожащим голо-
сом сказал равви Менахем, – но повторить свое свидетель-
ство могу, ибо согласно оно с одиннадцатью заповедями Да-
вида: поступай честно, твори правду и говори истину, не кле-
вещи языком твоим, не делай другому зла, не возводи поно-
шения на ближнего, гнушайся низостью, чти богобоязнен-
ных, не изменяй клятве даже во вред себе, серебра своего
не давай в рост и не принимай взятку против невинного, –
закончил равви уже твердым, окрепнувшим голосом, и вновь
замолчал, смиренно сложив руки на груди.

– Одиннадцать заповедей Давида знаешь ты, – задумчи-
во произнес Гаиафа, – и Макот знаком тебе. Ну, что ж, по-
хвально, похвально... А ты, Иошаат из рода псалмопевца,
сможешь ли ты спеть нам оттуда же шесть заповедей проро-
ка Исайи в свое благочестие?

– Сказано: будь праведен... говори истину... – страх уже
расползся по всему телу Иошаата, сковав сердце ледяным
обручем и обрывая мысли. – Презирай прибыль от греха...

О Адонай, спаси Мануила от этого человека!

– Не можешь сказать... Тогда хотя бы три заповеди про-
рока Михея?

– Сказано: поступай справедливо... – Иошаат смешался
и подавленно замолчал.

– Воистину хорошо сказано, – тонко усмехнулся Гаиафа. –
А ты, жена благочестивого мужа из Назиры? – он резко по-

вернулся к Мириам.

– Я готова к страданиям, – обреченно сказала Мириам в пустоту.

– Страдания? Киппурим? Для утешения всего Израиля, не так ли?

– Темны твои слова для меня, о высокоученый муж.

– Конечно, поэтому тебе очень нравится свет!

– Кому же может не нравиться свет, – кротко сказал равви Менахем, – если сам Господь, сотворив его, сказал, что это хорошо?

Гаиафа нетерпеливо поморщился, досадливо повел плечом.

Глупый провинциал, не понимающий тонкости изысканных словесных построений!

Азарт охотника, преследующего дичь, оставил его.

– Я обратился к тебе не за этим, женщина, – сказал он, – а чтобы услышать от тебя, что гласит одна и единственная заповедь пророка Аввакума, завершающая Макот?

– Сказано, – голос подвел Мириам, прозвучав еле слышно, но она прижала к себе Мануила и справилась с дрожью, охватившей ее, – сказано: праведный своею верой жив будет.

Гаиафа откинулся назад, нервно скрестив тонкие подвижные пальцы и еще раз оглядел эту комнату, где бедность и скудость вдвоем безуспешно пытались скрыть нищету.

Этот запах! Как они тут живут, бок о бок с верблюдами и овцами? Или это от них так пахнет? А этот местный

равви, обожжаемый чернью цадик, который не умеет связать двух слов и только улыбается кроткой всепрощающей улыбкой? Гиллелит, он смеет перебивать его и вставать на защиту неграмотной савейнки! Достойная жена... Сепфорис, Назира... Галил-ха-гоим! Кто же там все-таки мутит воду? Жаль, что землетрясение было таким слабым... А вот сидит он, мужлан, как там его – древодел? каменотес? пастух? – из рода Давидова. Что о нем докладывать Санхедрину? Что осел не станет львом, сколько ни пересчитывай ему зубы? Да, но Санхедрин встревожен, и надо хотя бы формально выполнить его поручение.

– Санхедрин встревожен, – сказал он и по очереди оглядел всех, – распространяющимися в народе слухами о приходе Спасителя, – он снова оглядел всех.

– Израиль давно ждет Спасителя, – осторожно заметил равви Менахем.

– Спаситель не приходит просто так, словно гость на пиршество к соседу! – резко оборвал его Гаиафа. – И Израиль спасется не раньше чем заслужит перед Богом спасение праведностью и истинным благочестием! А что касается всех самозванцев и смутьянов, волнующих народ и выдающих себя за Спасителя... – Гаиафа, приподняв бровь, многозначительно посмотрел в сторону Рувима.

– Воистину так, – кивнул Рувим, округляя щеки, – несчастный Багой²⁴...

²⁴ Советник Ирода Великого; устраивал для своего правителя пиры, сопровож-

– Багой – не несчастный, а гнусный преступник и вероотступник! И хороший пример того, какая судьба ожидает любого лже-Спасителя. Что ты скажешь на это, Иошаат?

Иошаат побледнел, сжимая и разжимая ладони.

– Я... я даже не слышал этого имени, уважаемый Гаиафа. Гаиафа усмехнулся.

Санхедрин, конечно, встревожен, но он, Гаиафа, знает, как его успокоить. Он знает! Он скажет: ам-хаарец, и этого будет достаточно. Но этих неотесанных древоделов, распевающих псалмы на пастбищах Галилеи со своими чающими утешения савейнками, надо поставить на подобающее им в земной иерархии место.

– Многие будут сеять смуту, – сказал он отрывисто, – пользуясь сложной обстановкой, вызванной сменой власти в стране. Многие будут вовлекать в соблазн доверчивый наш народ, говоря о Спасителе под видом магов, волшебников и прорицателей, о которых сказано:

И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам,

чтобы блудно ходить вслед их:

то Я обращаю лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее²⁵.

дающиеся вакханалиями и кровавыми жертвоприношениями.

²⁵ Лев., 20, 6.

Гаиафа встал и заходил по комнате.

Здесь присутствует Рувим, один из тех язычников, которыми окружил себя наследник Архелай. Вот следствие безбожия Ирода! Архелай... Август – язычник, но умный язычник. Остались худые плоды смоковницы Иродовой. Окружать себя сирийцами... Но это кстати: сирийцу не мешает дать понять, кто обладает истинной, а не фальшивой властью в этой стране. Око Востока далеко, как и лапа Волчицы, а Храм – в часе неспешной ходьбы отсюда...

Гаиафа повысил голос:

– Сказано также:

Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец,
и представит тебе знамение или чудо,

И сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом:

«пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будешь служить им»:

То не слушай слов пророка сего, или сновидца сего;
ибо чрез сие искушает вас Господь,

Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа вашего...²⁶

Гаиафа прервал стих на полуслове и повернулся к равви Менахему:

– Не подскажет ли мне, забывчивому, пастырь города Бет-

²⁶ Вт., 13, 1 – 3.

Лехема, что сказано в Писании о пророках и сновидцах?

Ты учишь милосердию, кроткий гиллелит, но я поймал тебя!

Равви Менахем вздохнул.

– Я могу повторить слова Писания. Дальше сказано:

А пророка того или сновидца того должно предать смерти за то,

что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего, выведшего вас из земли Египетской

и избавившего тебя из дома рабства, желая совратить тебя

с пути,

по которому заповедал тебе идти Господь, Бог твой;

и так истреби зло из среды тебя²⁷.

– И так истреби зло из среды тебя! – торжественно повторил Гаиафа и, неожиданно повернувшись к Иошаату, ласково спросил:

– С кем ты общался в последнюю неделю, древодел?

Пот выступил на лбу Иошаата: он вспомнил ночных пришельцев.

Чаша и крест, – он не успел их выбросить!

– Гик... – пробормотал он. – Дик...

Иошаат беспомощно оглянулся на Мириам.

– Учителя... Пастухи...

²⁷ Вт., 13, 5.

Гаиафа ждал, наслаждаясь замешательством Иошаата.

Да, этому можно верить. Пастухи и учителя. Не с царями же ему знаться, неграмотному древоделу из самого отдаленного колена Израилева! Ему даже не выговорить слово «Дидактос»! Пусть потрепещет, это полезно и поучительно. Санхедрин может быть спокоен. Очередной ложный слух. Хотя после истории с Багоем эти слухи участились. Багой... Багой – следствие пьяных оргий, вакханалий, идолопоклонства и потоков крови от языческих жертвоприношений! Какие еще безумства выкинет сын идумеянина и египтянки, сидящий сейчас на троне? Говорят, он при смерти... Правда, так говорят последние десять лет. Тем не менее, хорошо, что здесь – Рувим, ставленник Архелая. Пусть дает советы своему господину, какую наложницу выбрать! Надо присмотреться к наследникам. Пока над воротами Храма прибит золотой римский орел, с ними придется считаться. А потом...

Гаиафа резко поднялся. За ним почтительно поднялись Рувим.

И этот любвеобильный местный равви, как его там?

Гаиафа подошел к ложу Мириам, оглядел ее и младенца, приподняв изогнутую бровь.

– Значит, Мануил? – отрывисто спросил он. – Благое имя... При Храме есть школа для мальчиков, бет-Шаммай. Твой сын обучится грамоте, станет уважаемым человеком, увидит мир – олам хаз!

– Нет! – выдохнула Мириам, побледнев от внезапно накатившего, словно удушье, ужаса. – Сын мой останется со мной! Я вскормлю и воспитаю его. Он – мое будущее!

Гаиафа поморщился.

Ам-хаарец! Воистину легче иметь дело с язычниками-римлянами, чем с собственной деревенщиной.

– Будущее? – повторил он задумчиво. – Будущее... Олам хабба? Ну, что ж, решать – тебе. И горевать – тебе.

И не прощаясь направился прочь.

Глава пятая

Шаркиины²⁸

И встанут на пути каменистые гряды, вспарывающие песчаные барханы, уходящие туда, к закрывающим полнеба горам. Джебель-Тур²⁹! Как вместить тебя в своем сердце? Как пройти это нагромождение песка и камней и уцелеть?

Смирись! Оставь свою дерзость для другой земли. Вмести свою жизнь, и прошлую и будущую, в один маленький скромный шаг и сделай его.

А потом сделай еще один шаг, и еще.

Только так можно пройти Джебель-Тур.

Впереди, как всегда, пойдет неприхотливый ослик, на которого взгромоздится Юнус со своими заунывными напевами, от которых, кажется, засыхают колючки на пути. За ним неторопливо пойдут пять верблюдов с глухим Али на первом из них, палатками, припасами и добром – на остальных и Иллели с Даждом на руках – на последнем. Позади верблюдов встанет конь с Бахиром на спине, кося глазом и пугливо пробуя копытом дорогу.

Всю первую половину дня Бахир будет держаться подальше от первого верблюда с погонщиком Али, поглядывая

²⁸ Шаркиины – воинственные кочевники, которых впоследствии крестоносцы называли сарацинами.

²⁹ Джебель-Тур – арабское название полуострова Синай.

на него украдкой и затаенным, но неистребимым любопытством и ожидая какого-нибудь внезапного несчастья с ним.

Забьется ли он в падучей? Упадет ли с верблюда, припеченный солнцем? Уж эти прорицатели! Скажут себе мимоходом что-нибудь и пойдут своей дорогой, а ты знай накручивай мозги на седло: чего теперь ждать?

Но вот – солнце давно перевалит на вторую половину дня, а Али все так же будет сидеть, сгорбившись, на своем верблюде, а вокруг будет расстилаться все та же однообразная картина: камни и песок, песок и камни.

Так и есть, – шарлатан, собака и сын собаки!

Бахир прищпорит коня, одолевая небольшое всхолмие, и остановится, чтобы оглядеться. Потом махнет рукой Юнусу: привал!

Юнус издаст протяжный вибрирующий крик, хорошо понятный и ослам, и верблюдам, и маленький караван остановится. Верблюды тут же опустятся на землю, пряча головы в тень, а осел оспорит перед конем найденную былинку. Бахир прикажет палатки не ставить – привал недолгий. Просто посидеть, глотнуть воды из бурдюка, размять ноги – до чего приятно!

И сядет в сторонке Иллели стыдливо, вполоборота, склонившись над Даждом и укрыв его белокурыми волосами, и даст ему грудь, целуя время от времени в родинку на голеньком правом плече. Бахир воссядет на снятом с коня седле, а Юнус почтительно устроится перед ним прямо на песке.

– Что скажешь? – спросит Бахир небрежно, следя краем глаза все-таки за Али, хлопающего верблюдов по спинам и что-то им ласково мычащего.

– Далеко еще, хозяин?

Бахир рассмеется, довольный. Полированная кость медленно скользнет по шелковому шнуру, давая дорогу остальным.

– Не знаешь дороги? То-то же. А что ты знаешь? Ты без меня здесь – горсть песка, Юнус, и я хочу, чтобы ты знал это.

– Я знаю, – пожмет плечами Юнус.

– Хорошо. А теперь принеси-ка мне воды, – прикажет Бахир.

Юнус проворно вскочит на ноги, и в этот момент Бахиру покажется, что Али куда-то исчез.

Что такое? Куда подевался этот бессловесный верблюжий помет?

Бахир недоуменно завертит головой и наконец увидит Али. Тот почему-то ляжет среди верблюдов, прямо лицом в песок, и не будет шевелиться. Бахир захочет привстать и с ужасом заметит торчащую из спины Али короткую стрелу. Силы покинут Бахира, он рухнет кулем обратно на седло.

Рядом с ним что-то коротко тенькнет, словно встревоженная куропатка своему выводку, и такая же стрела вопьется в грудь Юнусу. Юнус взмахнет рукой с зажатым в ней кувшином и упадет, грохнув кувшин об землю, прямо под ногами Бахира. А потом ужасный крик разорвет слух Бахира, пото-

му что третья стрела вопьется в грудь Иллели, и она поползет по песку прятаться среди камней, но не выпустит из рук Дажда с забрызганным молоком и кровью лицом. И Бахиру станет это смешно.

Потому что – вот, стрела всегда хочет напиться крови, а тут ей пришлось напиться, словно младенцу, женского молока!

Но рассмеяться Бахир не успеет, потому что над ухом у него снова коротко тенькнет куропаткой, и станет горячо и спокойно, и он поймет, что стрела, предназначенная ему, напьется досыта – и напьется крови. И он упадет с седла в песок, нелепо откинув руку с зажатыми в ней четками в сторону Иллели, и лицо его примет удивленное выражение, как будто он только сейчас понял что-то очень важное, и губы шепнут коротко и хрипло:

– Дажд!

И все будет кончено. И наступит тишина, как будто ничего не произошло, и только горестно будет постанывать Иллели, и а Дажд – тихо мяукать обиженным котенком в ее руках.

У маленького истерзанного каравана появятся всадники на тонконогих горячих лошадях, в белых одеждах и походных серых, под цвет пустыни, абах³⁰ поверх них; спешатся и вразвалку, неторопливо пойдут осматривать добычу. Одни начнут рвать ножами тюки с товарами, другие займутся ослом и конем. Над Иллели склонятся двое: горбо-

³⁰ Аба – распашной плащ без рукавов

носый, смуглый, в цветастом платке, и лысый, безбородый, со страшным сабельным шрамом через все лицо. Горбоносый поцокает удивленно языком, увидев стрелу, а лысый одним страшным безжалостным движением вырвет ее из груди Иллели. От боли Иллели потеряет сознание, но по-прежнему не выпустит Дажда из рук.

Она придет в себя, когда разбойники закончат перевьючивать верблюдов. Лысый с сабельным шрамом будет сидеть рядом с мертвым Бахиром на брошенном на землю седле и любовно, выдвинув челюсть и растянув губы, почесывать одним пальцем свой шрам.

– Фархад, – крикнет ему один из разбойников, – что делать с верблюдами, ослом и пленницей?

– Отправьте верблюдов и осла к их покойным родителям, – не прерывая своего занятия, ответит Фархад, – а пленницу... Грузите ее с моим добром

– Стойте! – раздастся крик.

Работа прервется.

Еще один разбойник, горбоносый в цветастом платке, бросит увязывать тюки и подойдет к Фархаду. Остальные с интересом будут слушать и смотреть. Фархад, прищурившись, посмотрит на подошедшего, продолжая почесывать шрам.

– Ты хочешь что-то сказать, Исмаил?

– Фархад, моя белая стрела долетела до каравана первой.

– Говори еще, – Фархад неторопливо примется освобож-

дать купца Бахира от ненужных ему больше полированных
четок из носорожьей кости на тонком шелковом шнурке.

– Я первый доскакал до каравана.

– Говори еще.

– По закону женщина – моя!

– Говори еще!

– Я все сказал.

– Тогда буду говорить я, – Фархад поднимется. – Закон? – он медленной стружкой посыплет песок из пригорш-
ни на мертвое лицо Бахира. – Вот твой закон!

Фархад отряхнет ладони и пойдет со своим седлом к коню
Бахира, ставшему его собственностью. Остановится внезап-
но, выждав паузу, обернется к Исмаилу.

– Ты – храбрец, Исмаил, но ты слишком молод, чтобы
устанавливать здесь свои законы, и слишком глуп, чтобы
критиковать чужие. Однако ты заслужил добычу, а я ценю
храбрецов в своем отряде. Можешь взять себе младенца, он
твой по праву.

Остальные засмеются, восхищенные остроумием главаря.

– Собирайтесь, дармоеды! – скомандует Фархад, и повер-
нет свой разбойничий отряд на восток, в самое сердце Ара-
вы.

На первом же привале Иллели покормит Дажда, плача
от горя и радости. От горя, потому что из пробитой стре-
лой левой груди будет непрерывно сочиться молоко попо-
лам с кровью. От радости, потому что она все-таки сможет

кормить ее Дажда правой, оставшейся невредимой, грудью. И жар, охвативший ее левую грудь, покажется ей сладостным, потому что это она, кровоточащая левая грудь, спасла жизнь ее ненаглядному сокровищу, приняв в себя направленную на него оперенную смерть. Она разматывает пелены, в которые обернут Дажд, и отщипнет несколько листков от увядшей веточки, найденной ею при Дажде, когда тот проснулся от своего долгого-долгого сна на постоялом дворе, и разжует их, и приложит их к своей израненной груди, и беззвучно заплачет редкими благодарными слезами, когда боль начнет понемногу отступать и жар оставит ее³¹.

Разбойничий отряд будет уходить все дальше и дальше, стремительными запутанными лисьими бросками, пересохшими руслами и неразличимыми среди камней и песка тропами, отлеживаясь при свете солнца и пополняя скудные запасы воды при свете луны из редких колодцев, неизвестных даже Бахиру, который, впрочем, испил напоследок вволю песка вместо воды.

Джауф, Хаиль, Бураида³²... Или это миражи? Или это миражи слов, дразнящих воспаленный язык? Или это миражи миражей?

Сколько времени это продолжалось? Имеет ли название отрезок времени, для которого все, что было – это одна

³¹ Стебли и листья омелы (*Viscum*) обладают лекарственными свойствами.

³² Джауф, Халиль, Бураида – оазисы в пустыне Нефуд, в центре Аравийского полуострова.

жизнь, а все, что будет – это совершенно другая? Скачка, хриплое дыхание взмысленных коней, равнодушные звезды, завораживающий шепот переносимого ветром песка, глоток рыжей от пыли воды и ясный, немного удивленный взгляд широко раскрытых детских глаз.

И еще один взгляд, все чаще тревожащий Иллели, затаенный днем и открытый, соперничающий со звездами ночью, – взгляд горбоносого Исмаила. И когда надвигающаяся песчаная буря заставит Фархада остановиться и сделать привал, Исмаил перельет расплавленную сталь своего взгляда в тяжелую форму слов.

Усталые, измученные люди собьются в кучу, выставив коней в наружное кольцо. Иллели отползет под обломок скалы, чтобы покормить Дажда, и Фархад перехватит взгляд Исмаила, направленный на нее. Кривая усмешка накрест пробежит по шраму от сабельного удара на его лице, и Исмаил заметит эту усмешку. Он заметит ее, и раздует ноздри своего ястребиного носа, как жеребец, не желающий смириться с ненавистной тяжестью на своей спине. И выйдет в круг разбойников.

– Ну что, Фархад, не пора ли сказать, куда ты нас завел? Мы потеряли счет дням, звериным тропам и миражам.

– Хорошо ли ты считал, Исмаил? – насмешливо скажет Фархад, не глядя на него и продолжая неторопливо перебирать четки.

– Ты ведешь нас то на восток, то на юг, то на север, сам

не зная куда. Ты мечешься, как шакал, обложенный собаками, и петляешь, как змея под ногами обезумевших верблюдов!

– Не ты ли один из этих обезумевших верблюдов, Исмаил?

Смех остальных разбойников ударит в голову Исмаилу, и он крикнет, уже не сдерживаясь:

– Если я – верблюд, тогда кто ты, Фархад, – змея или шакал?

И стихнет смех, и наступит зловещее молчание. А Фархад, невозмутимо улыбаясь, все так же лениво, словно передвигая полированные кости по шелковому шнурку, растягивая слова, ответит:

– Ступай к младенцу, Исмаил – не пора ли его кормить?

Оскорбленный Исмаил в бешенстве схватится за кинжал на поясе, но люди Фархада повиснут на его руках, валя на землю и накидывая на него веревки. А потом кинут его, обездвиженного и рычащего от ярости и унижения, под ноги Фархаду. И Фархад наступит ему на голову, забивая ему рот песком, все так же лениво говоря:

– Ты даже не верблюд, Исмаил, а сын верблюда и гиены, если у гиен бывают шлюхи. А вот кто я, тебе предоставится возможность подумать. Но думать ты будешь очень долго. И когда твою кожу выцарапает песок, а глаза выпьет солнце, может быть, ты поймешь, кто я!

И шагнет прочь от Исмаила, бросив остальным на ходу:

– Завтра, как только стихнет буря, мы уходим. Оставьте

его здесь! Славное пиршество предстоит шакалам!

– Фархад, переседлать ли тебе коня Исмаила? – спросит один из разбойников.

– Нет, – покачает головой Фархад. – В трех переходах от нас – Саффания. Там мы продадим шелка и лишних коней, в том числе и клячу этого сына мидийской шлюхи.

– А невольница?

Фархад улыбнется, и снова ухмылка его пересечет сабельный шрам:

– Прошли дни ее, и грудь ее зажила. Завтра младенец останется здесь, ведь это добыча Исмаила! А на следующем привале я познаю ее.

И день перейдет в ночь, но Иллели не заметит этого, охваченная страхом предстоящего дня.

Мальчик мой! Каких богов мне умолять о твоём спасении?

Песок уже не будет шептать завораживающе, а выть издевательски: «Завтра! Завтра!», взметая вихри над чернеющим неподалеку неподвижным телом Исмаила. И когда заворочается под рукой разбуженный порывом ветра Дажд и недовольно закричит, Иллели примет решение.

Молчаливой тенью она скользнет к Исмаилу и начнет распутывать его от веревок, помогая себе зубами. Освобожденный Исмаил только глянет в ее бездонные глаза и молча махнет ей рукой по направлению ветра, и она поймет его, и пойдет туда, прижимая к раненой груди Дажда, но не чувствуя

боли, соразмеряя шаги с порывами бури, чтобы не привлечь к себе внимание, проваливаясь по щиколотки в песок и обдирая ноги о камни.

Она найдет укрытие среди скал и затаится там, как раненая кошка, чутко вслушиваясь в визжащую ночь и прижимая к себе Дажда. Долго будет тянуться это ожидание, изводя и обессиливая ее. До нее донесется неясный шорох, короткое звяканье, глухой перестук – и снова тишина. А потом – медленные, страшные в своей неведомости звуки шагов, окружающие ее то слева, то справа. Иллели стиснет Дажда, заклиная его промолчать и не выдать себя, и обратится к небу и земле, солнцу и луне, материнскому своему молоку и теплу детского тельца в ее объятиях с просьбой избавить ее от мук, когда мрак сгустится перед нею страшными космами. Иллели задохнется от ужаса и отчаяния, но это окажется Исмаил, ведущий коня в поводу. Он молча присядет рядом, чтобы отдохнуть, а потом усадит ее с Даждом в руках на коня и поведет через нагромождение камней, держа коня за уздечку и успокаивая при порывах ветра ласковым поглаживанием морды. И когда они пройдут каменистую гряду, и смесь песка, ветра и темноты чуть поблекнет по левую руку, Исмаил легко вскочит на коня позади Иллели, повернет его налево и пустит его вскачь – на восток.

Глава шестая

Иисах

– Посмотри, какое солнце, Мириам! – Иошаат поднял голову и улыбнулся.

Солнце было всюду. Оно с птичьей суетливостью прыгало по листве деревьев, так что больно становилась глазам, но это была благословенная боль, и жертвенным туком растекалось по камням дороги, словно вымаливая прощение построившему ее великому грешнику.

– Господь радуется, Господь благословляет вас! – заторопилась Шелима, пристраиваясь то слева, то справа.

– Чудесный день, – сказала Мириам.

– Весенний, Мириам! Знаменательный! Кончились дни твои сегодня! И равви осчастливил нас, идет с нами.

– День хороший, теплый, – кивнул равви Менахем, – а я давно не видел цадика Цевеона.

Иошаат долго готовился к этому дню, торопил время, высчитывал оставшиеся дни, напоминал Мириам подготовить самую праздничную одежду.

Как же! Они пойдут в Иевус, в главный Храм Израиля, и надо выглядеть достойно.

Он был так рад наступившему, наконец, этому дню, что не стал спорить, когда пронырливая Шелима увязалась с ними. Решение же равви Менахема присоединиться к ним

и вместе идти в Иевус было как нельзя более кстати. В последнее время на дорогах стало тревожно, так что еще один человек, да еще равви, будет вовсе не лишней.

Они уже вышли из Бет-Лехема и направились по дороге, ведущей в Иевус. Пологий амфитеатр между холмов, на котором гнездились дома, остался позади. Широкая дорога была усажена по обеим сторонам тамарисками и рожковыми деревьями, умеряющими неистовство солнца. Шли они неторопливо, соразмеряя шаги с Мириам, несущей на руках Мануила, и семенящей старческой походкой Шелимы.

То и дело их обгоняли конные и пешие путники, но чаще они видели идущих навстречу, из Иевуса в Бет-Лехем. По всему чувствовалась близость главного города царства.

Царства?

Иошаат обратил внимание на одиночных всадников, подгоняющих коней в направлении города Ефрахова – по всему видать, гонцы.

Что за вести они несут с собой? Не дурные ли? А бывают иные? Какие изменения последуют за ними?

Он невольно прибавил шагу.

Царство? После смерти – нет ли кого вокруг? – после смерти Хасмонеяского раба что станет с этим царством, созданным кровью, потом и заветами предков? Разделят ли его подобно опресноку в праздничный день – вокруг никого нет – ретивые наследники или пройдут по нему мерным шагом легионы Рима, под ногами которых рассыпаются горо-

да и горы, а не только царства?

Иошаат взял у Мириам Мануила, и понес дальше, давая ей отдохнуть.

Да, царство. Человеческая повозка! Кто гонит ее по ухабам, не разбирая дороги? Кто пускает с горы под откос? Где остановка? Скоро ли, Господи? Родник надежды пересох, ибо если страдание безмерно, то безмерным должно быть и воздаяние за него, а где оно? Отсутствие надежды умаляет веру, а если ослабнут скрепы веры, повозка развалится, и имя ей будет не царство, а прах и пыль Синайская! Люди уже не таясь говорят о Мессии.

Иошаат вспомнил нервное лицо Гаиафы и невольно вздрогнул.

Если кто-то и может остановить безумства последнего времени, так это Мессия. В этом избранном Господом народе, в этом царстве, созданном Его послушниками мечом и словом, все норовят быть Мессией – от царя до пастуха! Поэтому люди уже не спрашивают: когда придет Он? Они знают, что Он пришел. Они спрашивают: где Он?

Иошаат поднял высоко Мануила.

Где? Я знаю, где Он!

Мануил закричал; Иошаат засмеялся, довольный.

Понимает, понимает!

Женщины заахали. Иошаат вернул Мириам Мануила. Постоял, обретая должный вид. Равви Менахем поравнялся с ним; мужчины степенно пошли дальше.

- Много гонцов, – заметил Иошаат при виде еще одного всадника, промчавшегося мимо них.
- Событий тоже много, – вздохнул равви.
- Смерть царя – всегда беда.
- Для кого? – спросил равви, поднимая кустистые брови. – Для наследников? Для народа? Для Рима? Для кого?
- Скоро римлян здесь будет больше, чем чад Израилевых, – беспокоенно сказал Иошаат.
- Ухо римлян привычно только к слову «Рим», – усмехнулся равви Менахем. – Оно долго не могло привыкнуть к слову «Египет», оно с трудом переносит слово «Сирия», оно никогда не слышало слова «Армения» и не понимает слова «Израиль».
- Что же делать, равви?
- Терпеть.
- Сколько, скажи!
- Кто знает? Наш щит – терпение, наш меч – надежда, наша кольчуга – вера.
- Кое-кто берется за мечи настоящие.
- Гавлонит³³? Нет, о мой доверчивый Иошаат, – он прольет кровь – свою и тех, кто поверит ему и пойдет за ним, и это плохо.
- Как же так, равви? – заволновался Иошаат, сжимая

³³ Гавлонит – иначе Галилеянин, житель Галилеи, северной части Палестины. Имеется в виду Иуда Галилеянин, поднявший в описываемое время восстание против римского владычества.

и разжимая ладони. – А Спаситель? Ведь про Него сказано: все народы рассудит Его меч. Все народы, равви, я это хорошо запомнил, а уж народ Израиля – в первую очередь!

– Нет, о Иошаат, – грустно улыбнулся равви Менахем и покачал головой. – Не будет в Его приходе боя барабанов, рева праздничных труб и приветственных криков. Не будет на Нем и царского одеяния и меча карающего в руке.

– А что же, равви? – недоуменно спросил Иошаат.

– Он придет незаметно, – задумчиво, словно рассуждая сам с собой, сказал равви Менахем. – И будет Он бос и беден. И голос Его будет тих и кроток.

Иошаат невольно рассмеялся:

– Что же Он делать будет, босой и кроткий?

– Этого мне не дано, к сожалению, – вздохнул равви Менахем и добавил: – Или к счастью.

Иошаат покрутил недоверчиво головой.

Топор сильнее дерева, а молот сильнее камня. Силу можно сокрушить только силой! Меч – мечом! Старый, уважаемый человек – зачем с ним спорить?

Он только махнул рукой и ускорил шаги, взбираясь на холм, за которым ему открылся Иевус. Он обернулся и крикнул:

– Слава Адонаю, Мириам! Пришли!

И оглядел сверху прославленный город, знакомый ему и всегда волнующий при встрече с ним. Средоточие надежд и чаяний чад Израилевых, а теперь исполненный для него,

Иошаата, особого, таинственного значения. Он и сам не понимал своего волнения и только смотрел и смотрел на город, пока подходили остальные.

Вот: я пришел к тебе с сыном.

Спутники вошли в город через Яффские ворота и двинулись к Храму по дороге, пологой дугой огибающей Сион, мимо величественной крепости Давида – Иошаат каждый раз при виде его испытывал волнение и тайную гордость – и дворца покойного царя, напоминающий развороченный муравейник: сновали люди, у всех дверей и лестниц стояли римские отряды. Здесь гордиться было нечем. Громадные позолоченные изображения зверей словно глумились над святостью этих мест, превращая дворец в мерзкое капище. Иошаат невольно ускорил шаги и вздохнул свободно, лишь когда дворец святотатца остался позади.

Они проследовали мимо домов первосвященника Храма и членов Санхедрина, не уступающих дворцу не только своими размерами и пышностью, но и количеством окружавших их римских солдат.

Да, смутные времена! Смутные!

Затем дорога повела их дальше вниз, излучиной от Сиона к Акре, к старому, но хорошо сохранившемуся дворцу Соломона слева по пути, и вывела на главную площадь.

Все невольно остановились перед величественным зрелищем Храма, словно парящего на белых мраморных плитах над землей, с открытыми вратами, над которыми ослепи-

тельно блестела гигантская золотая виноградная гроздь. Здания в три этажа, окружающие Храм по периметру, с витыми лестницами и аккуратными водоемами перед ними, укрывали его, словно жемчужину – створки раковины.

Даже здесь их голоногие солдаты! В святая святых Израиля!

Равви Менахем провел оробевших спутников мимо водоема двора священников к жертвеннику с неугасимым огнем, где уже собрались люди, большей частью женщины, пришедшие, сообразил Иошаат, как и Мириам, для очищения. Тут же располагались торговцы, продающие жертвенных животных, и менялы, обменивающие священные деньги на народные. Иошаат долго ходил от одного торговца к другому, сжимая и разжимая ладони, придирчиво выбирал жертвенных голубей.

Не все ли равно, не есть же он их собирается!

Он купил, наконец, не торгуясь, двух.

– Пока вы здесь, – сказал им равви Менахем, – пойду поищу почтенного Цевеона.

И ушел, оставив их в смятении, окруженных молчаливыми женщинами. Шелима неприметной мышью спряталась за многие спины.

Иошаат оглядел собравшихся. Волнение, охватившее его при первом взгляде на Иевус с вершины холма, понемногу ослабевало. Люди, собравшиеся здесь, в основном женщины, были спокойны. Им предстояло дело; надо было выполнить

его, и выполнить по возможности хорошо. Окружающее их великолепие тоже было частью общего дела, как и нищие, просящие милостыню у входа в Храм, и суесловные менялы. Плачущая неподалеку женщина выглядела даже как-то неуместно здесь, в рабочей обстановке привычно исполняемого дела. Остальные не смотрели в ее сторону, озабоченные каждый своим. Слезы ее тоже были частью общего дела, решил Иошаат, успокаивая себя. Он поймал себя на мысли, что так и ему порой приходится обсуждать с плачущей вдовой заказ на изготовление гроба для умершего ее мужа, устыдился этой мысли и отвернулся. За ним стоял старик, встретивший его взгляд спокойными, слегка навывкате, глазами из-под клочковатых бровей.

И тут нищие.

Иошаат вздохнул. Отрывисто закричал козел за спинами людей. Люди зашевелились. Козел крикнул еще раз и замолчал.

Да нет, не нищий. Ткань тонкая, по всему, не наша. Сириец? Те пестрые, да и что здесь сирийцу делать? Мидиец? Погоди, погоди...

Иошаат снова встретился взглядом со стариком и вдруг понял, что старик ему знаком.

Люди расступились, давая дорогу белому козлу, которого вели на веревке. Козел упирался; его тащили; он молчал. Иошаат не обращал внимания на суету. Он вспоминал. Воспоминания его были скудны и беспорядочны. Овечьи мор-

ды... Непогода... Гик... Дик...

Не может быть!

Он дождался, когда старик снова посмотрит в его сторону.

– И-хо-хо...

Как они там пели?

Старик нахмурил брови и отвернулся.

Июшаат досадливо вздохнул.

Обознался.

Откуда-то сбоку споро, буднично вышел священник. Начался обряд. Мужчины, женщины поодиночке и парами подходили к священнику с жертвенными дарами: голубями, хлебными лепешками, кувшинами вина. Семейная пара повела на веревке белого козла. Заплаканная пожилая женщина принесла десятую часть ефы муки. Когда подошла очередь семейной пары, на помощь священнику подошли двое служек и оттащили козла к северной стороне жертвенника. Муж, бледный и заметно волнующийся, подошел к нему, слушая тихие подсказки священника, возложил на козла руку и вонзил нож в основание шеи. Козел промолчал и на этот раз, только кашлянул утробно. Священник подставил чашу под струйку крови. Споро и быстро служки содрали с козла кожу и рассекли тушу на небольшие части, возложенные в неугасимый огонь. Дым и тошнотворный запах сжигаемого мяса разошелся по двору. Собранной кровью священник окропил жертвенник, самые роги его, а остаток вылил у подножия.

Наконец, подошла очередь Иошаата с Мириам. Робко они подошли к священнику. Он взял из рук Иошаата голубей, деловито их оглядел.

У Иошаата болезненно сжалось сердце.

Эх, мог бы и лучшие выбрать!

У жертвенника священник повернулся и жестом показал Мириам встать на колени. Она поспешно опустилась, держа Мануила прямо перед собой. Священник так же жестом показал Иошаату встать рядом с Мириам.

– Принимаю голубя в жертву за всесожжение, – тонким голосом сказал священник, взяв в руки первого голубя, – в очищение дочери Израилевой по заповеди Моисеевой.

Он неуловимым движением свернул шею голубю, открутил ему голову и покропил кровью жертвенник. Затем ножом вскрыл его, отбросил внутренности в кучу золы в стороне от жертвенника, ловко переломил крылья голубю и отработанным жестом кинул белую окровавленную тушку в жертвенный огонь. Затем повернулся к Иошаату и взял второго голубя.

От входа донесся какой-то шум, слышались голоса. Присутствующие невольно повернули головы. Иошаат тоже оглянулся и увидел равви Менахема, вошедшего вместе с дряхлым, с трудом передвигающимся старцем, высохшим, как нитка, выдернутая из савана.

– Цевеон! – зашептались люди. – Цадик Цевеон!

Священник недовольно кашлянул, привлекая внимание

к себе.

– Принимаю голубя в жертву за грех, – в голосе его Иошаату послышалось недовольство, – в очищение дочери Израилевой по заповеди Моисеевой.

Священник взялся за шею голубя, тот вдруг забился в его руках. Священник резко рванул, отрывая голубю голову, торопливо окропил жертвенник. Несколько капель попали на лицо Мануила, и он, проснувшись, захныкал. Мириам, перепуганная, стала его тихо утешать.

Цадик Цевеон в сопровождении равви Менахема медленно прошел сквозь толпу к жертвеннику, остановился, покачиваясь и разглядывая Иошаата, потом повернулся к Мириам. Священник жестом показал ей подняться с колен. Цадик Цевеон протянул руки к Мануилу, взял его из рук оробевшей Мириам и снова замер, покачиваясь и разглядывая младенца на своих руках. У Мириам заглодело сердце, потому что она увидела забрызганное кровью голубя лицо Мануила, но старческие глаза не заметили этого.

– Долго я ждал, – дрожащим тонким голосом сказал цадик Цевеон и замолчал.

Священник кашлянул, дощипывая голубя.

– Объявляю тебя очищенной по закону Моисееву, – сказал он торопливо.

– И вот я дождался, – вздохнул цадик Цевеон.

Священник кашлянул еще раз и оглянулся в поисках горшка для варева.

– Отпускаю тебя с миром, дочь Израилева, – закончил он и строго оглядел собравшихся.

– Ныне отпускаешь раба Твоего, – нараспев сказал старец, – раба Твоего, Владыко, – он снова замолчал, покачиваясь и собираясь с силами. – Владыко, по слову Твоему, – он еще помолчал. – По слову Твоему с миром...

– О благочестивый Цевеон... – нетерпеливо начал его священник, отирая руки.

– Свет к просвещению язычников... – продолжал нараспев цадик, не слыша ничего из-под толщи своих лет.

– О праведный и наиблагочестивейший Цевеон!..

– ...Славу народа Твоего Израиля...

– Воистину так! – вдруг выкрикнул Иошаат, не выдержав.

Вот он – его час, он дождался! Дождался признания его Мануила, дождался из уст праведного старца, живой реликвии Храма, слов, сказанных здесь же, в Храме, при стечении народа, слов, которые постоянно звучат в его душе!

Цадик Цевеон долго смотрел на Иошаата, погруженный в свои мысли, потом передал Мануила обратно в руки Мириам, еще постоял, покачиваясь.

– Се, лежит Сей... – он накрыл ладонью высохшей, словно слетевший со смоковницы лист, лоб Мануилу.

– Агнец Божий! – раздался чей-то резкий выкрик.

Иошаат растерянно оглянулся. Престарелый Цевеон поднял руку и поднес к своим полуслепым глазам.

– ... На падение и на восстание многих в Израиле и в пред-

мет пререканий, – сказал он, продолжая удивленно рассматривать свою ладонь.

– Агнец Божий! – снова раздался пронзительный выкрик.

– Ан-Нах! Ан-Нах! Пророчица! Сама! – испуганно зашепестели женщины.

Толпа расступилась, пропуская высокую костлявую старуху в черном одеянии.

– Радуйся, жена, принеся нам жертвенного ягненка! – Ан-Нах воздела руку над головой Мириам. – Радуйся, народ, получивший ягненка на заклятие!

Мириам растерянно, словно несправедливо обиженный ребенок, повернулась к Иошаату. Губы ее задрожали. Он стоял, не дыша и только сжимая и разжимая ладони. Мириам беспомощно посмотрела на цадика Цевеона. Старец тоже поднял над ее головой руку.

– И тебе самой оружие пройдет душу!

Мириам в ужасе заметила кровь на его руке.

Кровь... Ягненок!.. Пройдет душу...

Она покачнулась и медленно сползла на плиты Храма. Толпа взволнованно загудела, Иошаат бросился к Мириам, передал Мануила подвернувшейся под руку Шелиме и вынес Мириам на воздух. Равви Менахем побрызгал на нее водой из водоема. Подул ей в лицо. Мириам вздохнула и открыла глаза.

– Мануил! Где мой Мануил?

– Здесь, здесь! – залепетала Шелима.

Рядом с ней выросла угловатая, зловещая старуха. Мириам зажмурилась.

Какая полная чаша, отец!

– Агнец Божий, отныне Ииссах! – возопила старуха.

– Ииссах, – подхватила своим беззубым ртом Шелима, словно пробуя на вкус сухую корку, вымоченную в молоке.

– Ииссах! – пронеслось эхом по собравшейся на ступенях толпе. – Пророчица! Сама нарекла! Ииссах! Все слышали! Да будет так!

Иошаат растерянно оглянулся по сторонам. Лица, лица. Они сливаются в сплошную массу, словно тесто, приготовленное для опресноков. Совершенно не к месту мелькнула мысль, что старика рядом уже нет. Равви Менахем развел руками, священник важно кивнул:

– Да будет так.

Иошаат помог Мириам подняться, принял от Шелимы младенца, оглядел собравшихся и вздохнул:

– Да будет так!

Глава седьмая

Джиад³⁴

Фархад ошибся – Саффания окажется не в трех переходах, а в семи, хотя последние дни Исмаил будет понукать коня, не таясь от погони. Последние дни сольются в сознании Иллели в одну бесконечную круговерть лошадиных копыт, песка и неба. И еще удивленных глаз Дажда. Последние дни Исмаилу придется делить глотки воды между Иллели, младенцем и конем, а самому переворачивать до восхода солнца камни, вылизывая запотевшие, остывшие за ночь трещины. И когда, преодолев очередной бархан, они увидят уходящий в дымку морской залив, глиняные постройки и почувствуют запах дыма, Иллели заплачет, и Исмаил заплачет тоже, не стыдясь своих слез, и даже конь всхрапнет, словно пытаюсь заржать, но потом только задышит часто-часто, словно заблудившийся ребенок, наконец-то найденный матерью.

Саффания!

И Исмаил встанет на колени перед Иллели, благодаря ее за спасение, возьмет на руки Дажда, укрывая плечами от солнца и ласково ему улыбаясь и бормоча слова утешения неуклюжим языком мужчины, впервые открывшего свое сердце младенцу, поцелует коня, отдав ему последний гло-

³⁴ Джиад (джихад) – букв. «борьба, усилие».

ток из фляги, а потом они медленно пойдут с бархана вниз, вбирая глазами всю открывающуюся им картину.

Саффания!

Они пройдут по главной – и единственной улочке Саффании – к рынку, прямо напротив бухты с одиноким кораблем. Рынок – скромный, народу немного, но рынок – везде рынок, а им, отвыкшим за время, проведенное в пустыне, от людей, он и вовсе покажется чудесным зрелищем: бродящий факих с грустно обнявшей его обезьянкой, прыгающая вверх-вниз гортанная чужеземная речь, связанные попарно за лапы куры, молчаливый задумчивый ослик, мерно прядающий ушами, наполненная таинственным светом заходящего солнца чеканка, наполненная теплотой женской плоти слоновая кость, ковры, с царственной небрежностью сброшенные под ноги покупателям. . .

Чем малолюднее рынок, тем большее внимание привлекают новые люди. Так уж устроен человек: любопытство – ежедневный хлеб для его чувств, а человек насыщается, чтобы снова проголодаться, и потому, наверное, весь рынок превратится в один изучающий взгляд, сопровождающий смуглого горбоносого мужчину в изодранной абе, ведущего в поводу коня с ввалившимися боками, и светловолосую женщину рядом с ним в потрепанной накидке и младенцем на руках. Мальчишка-водонос остановится в двух шагах от них, в одной набедренной повязке, тонкий, как прут, с запотевшим кувшином на плече, и они сразу почувствуют, как вид

этого огрузлого кувшина с матовыми боками сводит их с ума и не дает покоя. Исмаил кинется к одному торговцу, другому, снимая с себя абу, но окаменеет и посереет лицом, услышав вежливый отказ одного и невежливый смех другого, посмотрит на Иллели, Дажда, коня и возьмется за кинжал. Иллели ахнет испуганно, но Исмаил отдаст его торговцу под удивленное цоканье и возгласы окружающих зевак, получит горсть монет разного возраста и судьбы, заберет их не считая и кинет одну обрадованному мальчишке. И Иллели прильнет дрожащими губами к холодному кувшину, удерживая себя от слез, потому что слезы уносят с собой драгоценную влагу.

Когда я увидела Саффанию, мальчик мой, оказывается, это было неполное счастье. И только теперь оно полное.

И лишь после того, как они утолят жажду, на них обрушится лавина запахов: жареного на углях барашка, горячих лепешек, пряной зелени, острого козьего сыра, ломких ноздреватых сотов и истекающих соком фиников. Исмаил быстро найдет наименее людный угол рынка, устроит Иллели с Даждом в тени торговой палатки, привяжет рядом коня и обежит съестные ряды, так же не глядя бросая в пухлые, но вместительные ладони мгновенно исчезающие монеты. И вскоре они усядутся на разостланную абу Исмаила и примутся за еду, и даже конь сунет довольную морду в мешок с зерном. А когда настанет очередь арбуза, громадного, как колесо арбы, который Исмаил разобьет кулаком и нач-

нет отламывать от него хрусткие алые куски, Иллели только вздохнет, не находя слов.

Счастье?

Мальчик мой, я ошибалась, только теперь оно полное.

– Хватит, Исмаил, а то я лопну, – засмеется она, но примет из его рук еще один отягощенный сладостью кусок.

– Ешь! – шутливо-строго крикнет ей Исмаил и нацелит свой ястребиный нос на громадный кусок, поднесенный ко рту. И это вызовет безотчетный смех Иллели, осоловевшей от забытого ощущения сытости и покоя, а Исмаил будет хрустеть арбузом и только страшно вращать глазами, усиливая ее смех и – умиротворение.

Ибо свиток жизни, который медленно разматывается перед тобой, сразу по прочтении за тобою немедленно сматывается, так что написанного уже не прочитать, а только горестно вздохнуть: а было ли оно?

Особенно если написанное хочется забыть и думать, что оно – не про тебя, а совсем про другую жизнь, а твоя жизнь – впереди, она только начинается, и начинается вот так: легко и счастливо.

– Вкусно? – вернет ее в настоящее Исмаил.

– Да, – вздохнет Иллели, – я таких и не ела. Давно, – быстро поправится она, и Исмаил ничего не скажет в ответ, только вертикальная складка прорежет его лоб, какой Иллели до этого не замечала. А потом улыбнется и тряхнет кудрявой головой:

– Разве это арбуз? Вот я помню, в детстве...

И замолчит, осекшись на полуслове.

– Что, Исмаил? Что в детстве?

– Так... Ничего.

– Расскажи, прошу тебя.

– Странно, – усмехнется Исмаил, – никому я о таких вещах не рассказывал, а тебе вдруг решился.

Иллели кивнет, тихо склоняясь над довольно засопевшим Даждом, нашедшим ее грудь, и приготовится слушать.

Глава восьмая

Назира

Иошаат, обойдя небольшую свою мастерскую, остался доволен. Старший сын, Екевах, в его отсутствие сохранил здесь порядок и чистоту.

Добрый выйдем древодел и каменотес. Вот только инструменты расставил по-своему. Видно, что к камню у него душа лежит больше: молотки и зубила на виду, а пилы убрал подальше. Обучить бы его еще земельным мерам и расчетам стен – может и за дома взяться. Хотя еще рано. Рано!

Сам Иошаат до сих пор волнуется, берясь за строительство.

Дом – это дом. Дом приближает человека к Богу, – отними его у человека и посели в нору, и человек станет неотличим от зверя! Недаром в Писании даны все размеры ковчега, скинии и первого Храма, недаром указаны все меры Давидова дворца – если дом приближает человека к Богу, то умение построить дом для человека – это наивысшее знание.

Где-то я это слышал? Да, верно, а наивысшее знание – это вера.

Иошаат удовлетворенно огладил густую бороду и присел в углу мастерской передохнуть.

Хвала Адонаю, нет ничего лучше собственного дома!

Он невольно улыбнулся, вспомнив вчерашнюю встречу с детьми.

Как они обрадовались! Екевах, как старший, постарался ничем не выдать волнения, весь в отца. Даже когда показывал свой подарок – колыбель. Зато Мириам так и расцвела. Вот так бы всегда! Осий, робкая душа, вспыхнул, покраснел, как девушка. Гадасса? Ничего, выросла. Эй, женихи! А то, что косенькая... Э, в отсутствие хозяйки весь дом на ней держался. Найди другую такую! Ладно... Цевеон – наш маленький равви. Он, наверно, все Писание знает. Екевах сказал, что читает Цевеон уже быстро и хорошо. Надо, надо читать по вечерам каждый день. Вырастет, станет равви, уважаемым человеком.

Иошаат снова огладил бороду, довольный собой.

Молодцы, не разленились. Хаддах... Конечно, он еще совсем ребенок. Ему тяжелее всех без матери. Вот и вчера...

– А наша мать разве не была здесь хозяйкой? – спросил он удивленно вчера отца, когда Иошаат сказал ему, что вот – они наконец вернулись домой, хозяин и хозяйка.

– Молчи, – ответил ему Цевеон, – ты что, не знаешь, что наша мать давно в Царстве Небесном?

Хаддах – Хаддах обиделся.

– Ну конечно, – сказал он тогда, – ты у нас все знаешь, ты ведь у нас – равви!

– Хаддах! – Иошаату пришлось слегка повысить голос.

Конечно, что его ругать, неразумное дитя? Как он там

еще сказал вчера? Да! Это было, когда Мириам удалилась к себе покормить маленького Ииссаха.

– Что скажешь ты, дочь? – спросил он старшую.

– Отец, если она сумеет навести порядок хотя бы на женской половине дома...

– Гадасса! Что я слышу? Мириам – хозяйка во всем доме, а не только на женской его половине!

– Да, отец, конечно, – Гадасса, как всегда, смотрела чуть в сторону, что придавало ее словам какой-то второй смысл, – я только хотела сказать, что сестра моя считает себя такой взрослой, что мне с ней трудно справиться.

– Ладно, лиса, – Иошаат невольно улыбнулся. – Только имей в виду, что она – не подруга тебе и не помощница, чтобы помогать управлять младшими, она – мать вам всем, в том числе и тебе. Так я объявил девять месяцев назад, приведя ее в дом, и так будет впредь.

Иошаат и сейчас улыбнулся, вспоминая вчерашнее.

Да, Хаддах.

Иошаат сказал после этого, что они все должны беречь маленького Ииссаха и заботиться о нем, как ни о ком другом.

– А почему? – тут же спросила любопытная Суламитт.

– Потому что Ииссах – это посланец самого Господа, явленный нам чудом, – строго сказал Иошаат. – Он – наш будущий герой и защитник. Он спасет нас всех, когда вырастет.

Да, и вот тут Хаддах сказал:

– А нашего брата, который родился мертвым два года на-

зад, он тоже спасет?

– Не мертвым он родился, а умер после рождения, – сказал Осий, краснея.

– Да, – сказала Гадасса, – задохнулся пуповиной.

Откуда только дети все узнают?

– Ну, так как же? Как? – продолжал допытываться настырный Хаддах. – Спасет или не спасет?

– Конечно спасет, – сказал Осий Хаддаху, поглядев на отца.

– Как же он его спасет, если он никогда не видел его и не знает о нем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.